

Законная инициатива

Антон Ищущий

АНТОН ИЩУЩИЙ

Законная инициатива

«Автор»

2025

Ищущий А.

Законная инициатива / А. Ищущий — «Автор», 2025

Российская Империя, молодой поверенный пытается найти своё место в мире законов, дабы понять, что же действительно для него важнее - правда или справедливость.

© Ищущий А., 2025

© Автор, 2025

Антон Ищущий

Законная инициатива

Часть I – «В поисках того, никто не знает, чего...»

Глава 1

Жизнь Николая Викторовича Виноградова, не всегда была простой, особенно в тот самый момент, когда он дошел до возраста своей зрелости, коего считал свои двадцати пятилетние именины. За этот не столь маленький, но все же промелькнувший, словно мгновение срок, он успел почувствовать различные тяготы, кои присущи молодым юношам Российской Империи.

Родился Николай в семье разорившегося дворянина Виктора Ильича Виноградова. Поместье, которого после освобождения своих крестьян довольно быстро обеднело, оставив семью с определенной частью средств, которые позволяли Виноградовым проживать не бедную, но относительно скромную жизнь, по сравнению с их соседями, более предприимчивыми дворянами, чье положение не смогла поколебать даже отмена Крепостного права.

Сам Виктор Ильич по своей натуре был человеком не глупым, но не стремившимся делать больше положенного, предпочитая исходить из имеющихся у него целей и не заходя дальше, чем требовалось его семье.

Мать Николая – Авдотья Александровна, также происходила из дворян и в браке с Виктором Ильичом была вполне счастлива. Даже разорение их поместья, не пошатнуло её волю, и она продолжала отдавать всю себя, семье и, не жалуясь на не слишком легкую долю, которая легла на плечи дворян.

Николай был младшим сыном в семье, отдав первенство своему брату Степану, который получил от матери замечательное образование, выдержку и самое главное стремление для дальнейшего продвижения по службе. В тоже время, Николаша обладал не дюжей волей и желанием взять от жизни всего понемногу, но в отличие от своего брата, он не мог найти понимания того, чего он хочет от жизни. Виктор Ильич, стремился дать своим детям все, что они пожелают, не ограничивая их в желании пойти своей дорогой, в этом же своих детей поддерживала и мать.

Николай Викторович любил книги и приключения. К одиннадцати годам, он обладал живой фантазией, представляя себя то храбрым моряком, то воинственным гусаром, то удалым казаком или даже капитаном корабля, что отправляется в очередное кругосветное путешествие в неизведанные земли. И хотя статус родителей пусть и подточенный финансовым положением мог организовать ему путь в военное училище, сам Николай решил выбрать более спокойные годы, не вынуждая родителей переживать за него в военных походах. К тому же только-только отгремела война с Турцией.

Однако в семье Виноградовых имелось правило: «Коль раз, вступив на свой путь, пройди его до конца и не бросай его пройденным наполовину», так говаривал отец своим сыновьям и именно так, Николай оказался на пороге Московского университета, на курсе юриспруденции.

За время своего обучения он успел почувствовать хандру от своего выбора, но помня правила отца, не смел, бросать выбранный им путь, хотя письма с сомнением иногда приходили в отчий дом. Обычно, на подобные выходки неизменно приходил ответ от Виктора Ильича, в котором тот неизменно, порой весьма в грубой форме упоминал, что бросить учебу на полпути это не познать путь до конца.

«Неважно, где ты находишься, уверен, что иная стезя будет легче твоей нынешней?» – вопрошал отец на очередное письмо сына.

Бывало, шли письма и от матери, более ласковые, но твердые в уверенности, что Николай поступил верно, и сойти с выбранного им пути будет несправедливым к самому себе, ведь юноша уже потратил часть своего времени.

«Не забывай, что силы, потраченные на обучение уже, не вернешь» – напоминала матушка в письме.

Приходили письма и от брата Степана, в которых тот старался поддержать Николая, но неизменно просил немного подождать и идти дальше, по своему пути не сдаваясь. Степан знал, о чем говорит, ведь он и сам до этого ощутил те же проблемы, что легли на плечи Николая. Будучи старшим братом, Степан уже успел поступить на службу в Министерство путей и сообщений, плотно закрепившись на должности получив статус надворного советника и стремясь как можно скорее перейти на ранг выше.

Семья неизменно гордилась старшим Степаном и желала, чтобы и Николай нашел свою дорогу в этой жизни.

– Николай, ты избрал путь, и мы с матушкой не мешали тебе в этом, но не огорчай наши сердца своим сомнением, – однажды сказал отец, когда Николай прибыл на каникулы в родовое имение. – Страх перед переменами, несомненно, затмевает твое доброе сердце, но помни, что там, где ты сейчас обучаешься сердце должно идти бок о бок с разумом.

Отец умел говорить умные речи, порой они приходили к нему под чаркой водки, но самому Николаю становилось легче. Семья старалась поддержать его выбор, но при этом осознали, что не знают, что на самом деле творится в душе младшего сына.

Сам Николай неизменно принимал семейные советы, продолжая учебу, находя в себе силы принять свой выбор... и изредка уходил в самого себя.

В минуты слабости, когда семьи не было рядом, он старался найти поддержку в своем друге Никите Алексеевиче Степнове, с которым он познакомился на первом году обучения и который отличался живым умом, крайне категоричным мышлением и весьма крепким хладнокровием. Друзья довольно часто проводили время вместе, поддерживая друг друга в учебе и помогая там, где один справиться не мог.

Сколько Николай себя помнил, ссор со Степновым у него не имелось, хотя за категоричность друга, когда Никита осаживал Николая в споре, заставляя того теряться в поисках аргументов, иногда таил легкую обиду на товарища, но быстро отбрасывал её, будучи весьма отходчивым по своей натуре и понимая правдивость мышления лучшего друга.

Они продолжали проходить обучение, слушая лекции профессора Скатурова, который имел обычай рассказывать интересно, но плотно уходить в историю своих практик. Несмотря на интересный говор и живость речи, студенты часто замечали, что профессор уходит в дебри, иногда явно подвирая.

Помимо Скатурова, студенты также постигали азы уголовного права под руководством профессора Рязановского, ученого строгого и в тоже время справедливого.

В свободное от учебы время Николай и Никита часто бродили по улицам Первопрестольной, посещали рестораны, празднуя предрождественские недели прежде, чем каждый разъезжался по своим родным селениям, дабы справдновать уже само Рождество в кругу семьи, когда это удавалось.

В Москве также проживали родственники по материнской линии – семья весьма зажиточных купцов Бобровых, у которых Николай часто гостил, когда обучался на первых годах обучения. Будучи по своей натуре добрейшим человеком, глава семейства Бобровых, Владимир, часто предоставлял комнату своему племяннику и не единожды вывозил Николая на оздоровление на воды Кавказа. Семья Виноградовых часто и сама приезжала в гости к Бобровым, которые, в отличие от дворян, предпочитали городские апартаменты деревенскому имению, хотя также любили выбраться на природу, чтобы вдохнуть свежего сельского воздуха.

За время своей юности Николай успел побывать на различных судебных процессах, дабы постичь азы своего будущего ремесла и понять суть того, чего не пишут в учебниках и не говорят на лекциях.

Так пролетали годы учебы Николая Виноградова.

За это время он успел влюбиться в Марию Олеговну Шпац, воспитанницу института благородных девиц, но, будучи сыном разорившегося дворянина и по натуре весьма скромным, не сумел совладать с удалью молодого юнкера Леонида Максимовича. Разбив себе сердце, предпочел забыть о дамах и прочно уйти в юриспруденцию к неодобрению отца, который с каждым прожитом годом сына все больше хмурился за неимением невесты.

Получив диплом, Николай смог выиграть себе пару месяцев отдыха. Дома, в имении Виноградовых, собрался настоящий пир, дабы отпраздновать выход во взрослую жизнь очередного отпрыска. Прибыло много родственников, готовые также поздравить Николая.

Стол ломился от огромного количества яств. Бобровы привезли толстого гуся, который был подан на стол в запеченном виде, обложенный яблоками, покрытый медом. Виктор Ильич преподнес свежую рыбу, из которой сварили бесподобную уху, а на десерт поставили самовар с баранками.

Владимир Михайлович Бобров, провозглашая тост, взглянул в глаза Николая:

– Николашка, я позволю себе сказать, что многие сомневались в выборе твоего пути, таких как ты простых стряпчих, в Москве пруд пруди, но ты... – он не договорил, а потом вдруг его суровость разгладилась в улыбке. – Я знаю, что ты честен с собой, и будь честен с теми, кто будет просить у тебя помощи. Твоя честность проведет тебя вперед.

Родители и брат Степан также поздравили Николая с окончанием курса и пожелали ему светлого пути в дальнейшей профессии. Николай Викторович слегка покраснел, когда ему пожелали найти невесту по сердцу, а после того, как ему позволили принять чарку, и сам расстрогался и, красный как рак, благодарил родителей.

После пары месяцев отдыха, когда оттягивать возвращение в Москву уже было нельзя, Николай совместно со Степновым, нисколько не сомневаясь, двинулся дальше, стараясь не запускать полученные с таким трудом знания. Однако именно здесь их пути заметно разошлись.

Никита Степнов двинулся в сторону прокуратуры, стремясь следить за справедливым исполнением законов Российской Империи, и вскоре плотно закрепился в Московской судебной палате. В то же время, Николай, решив получше узнать практику, ушел на стажировку в окружной суд и... сам того не замечая, проработал в нем около пяти лет.

– Кажется, я весьма плотно прирос к стулу судебного стряпчего, – хмыкнул Николай, вспоминая слова дяди, когда они сидели за столом ресторации вместе со Степновым, – за время моей работы, я умудрился добраться только до должности помощника секретаря.

– А что ж, Николай Викторович? – удивился Степнов, – неужто твой славный ум не желают видеть?

– Брось, – хмыкнул Виноградов, – я не считаю себя настолько глупым, что не способен переступить через очередную ступеньку.

Никита Алексеевич улыбнулся и, сделав легкий глоток и закусив кусочком свежей рыбки, произнес:

– Я изначально предлагал тебе идти со мной, посмотри на меня – ещё не прокурор, но уже помощник.

Виноградов кисло осмотрел друга. Ему не хватало ещё того, чтобы Степнов вновь включил свои аргументы и не втянул его в прокуратуру. Нет, он не относился пренебрежительно к профессии друга, к тому же они сами вышли из одного университета и сразу знали, чем займутся в жизни, по крайней мере, это знал Степнов, а Николай?

– Думаю, что здесь ещё играет роль то, что ты и сам не сильно хочешь покидать насиженное место?

– Может быть, – кивнул Виноградов, в очередной раз, соглашаясь с аргументацией друга, с которой весьма сложно было спорить.

– Задумайся, – потряс пальцем Никита, – до председателя суда на такой должности не высидишь, а вот стать прокурором....

– Оставь свои сладостные речи при себе, дружище, – рассмеялся наконец Николай, – я себя не вижу в вашей братии.

Они рассмеялись, но Виноградов знал, что его друг от него не отстанет. Степнов твердо решил добиться перевода своего друга к себе поближе и, когда они уже уходили, он произнес:

– Если ты не решишь свою проблему, я весьма плотно за тебя возьмусь, учти.

Звучало как угроза, но Николай и сам понимал, что срок, который он провел в помощниках секретаря, уже давным-давно перешел все возможные границы. Требовалось срочно двигаться дальше, но вопрос перед Николаем встал весьма сложный. Куда ему идти?

Глава 2

Москва для многих была пределом мечтаний. Древняя столица, или Первопрестольная, как её величали в народе. Здесь действительно в воздухе витал некий дух древности, но он бы и близко не сравнился с тем, что Николая ждало дома. В имении родителей, он чувствовал умиротворение. Он мог часами гулять по деревенским тропинкам, рассматривая крестьянские хозяйства, которые теперь стали свободными. Ходить с братом на реку, дабы окунуться и сбросить с себя дрему летних жарких дней. Зимой красота становилась поистине завораживающей, особенно когда сугробы покрывали всё вокруг, и в лунном свете, можно было обнаружить искорки на снегу.

Николай вздохнул, погружаясь в теплые воспоминания былой юности, и, хотя он ещё не являлся старцем, Виноградов чувствовал, что сейчас ему уже не вернуться в те беззаботные дни.

Конечно, улицы Москвы значительно различались от домашнего уюта. Вздохнув, Виноградов достал из внутреннего кармана часы на серебряной цепочке, что достались ему в подарок от дяди и, убедившись, что он все ещё успевает, двинулся по пыльной дороге в сторону суда.

По улице толпились извозчики, мелькая то в одну, то в другую сторону и под крики очередного пассажира стремились добраться до места назначения, как можно быстрее. Улицы были забиты прохожими – представительными усами офицерами, что важно прогуливались под ручку с прекрасными дамами в белых платьях, не расстающихся с зонтами даже в такую прекрасную погоду. Группками рабочих, в рубашках нараспашку, спешившими на очередную смену и подкреплявшими свои намерения крепким словом. Священнослужителями, в черных рясах идущими на проповедь, и многими другими лицами, что так плотно облюбовали старую столицу Империи.

Прогулки здесь позволяли Николаю расслабиться перед очередным днем на работе, полной скуки и интриг. Да, даже на такой невысокой должности, с зарплатой вдвое меньше, чем у его товарища Степнова, как помощник секретаря судьи, позволяло Николаю слышать много сплетен и видеть достаточно интриг среди высших должностных лиц.

Добравшись до конки, Виноградов запрыгнул в экипаж и, крепко схватившись за ручку, двинулся по рельсам. В отличие от трамвая, который уже «захватывал» российские города, конка продолжала сопротивляться своему автоматическому собрату, хотя их становилось все меньше. Крепче всего владельцы конки держали свои рынки в Москве и Санкт-Петербурге, но вечно эта борьба продолжаться не могла.

Виноградов с ухмылкой подумал, что как только транспортные компании поймут, что лошади уже не приносят той прибыли, что раньше, они ускорят вложения в этот, несомненно, перспективный транспорт – как трамвай.

Несмотря на статус дворянина, Николай не чурался пользоваться более простым способом передвижения, не стесняясь обычного человека и даже с удовольствием общаясь с его простыми представителями. Ещё бы не общаться – работа обязывала.

Соскочив на своей остановке, Виноградов ещё некоторое время потоптался на месте. Зашел в ближайшую пекарню, прикупив несколько пирожков, отправился наконец-то к себе.

Здание окружного суда, где служил Виноградов, представляло собой широкое четырехэтажное здание. Его ровные как стены из белого кирпича походили на идеал чистоты и чести. Плоскую крышу, переходившую в центре здания в круглый купол, увенчали собой несколько квадратных труб, из которых в зимнее время шел дымок.

Перекусив по пути, Виноградов наконец-то сбросил утреннюю дремоту и поднялся по небольшой лесенке к двустворчатым дверям. Возле дверей его встретил Павел, местный судебный пристав, который, облокотившись к белым стенам, мирно покурил сигарку.

– Добрейшего вам утра, Николай Викторович, не уж-то на службу 'с?

– И тебе не хворать, – поприветствовал Виноградов, кивая приставу и выдавливая из себя любезную улыбку. Пашка Анасьев был любителем поговорить, если ему не было чем заняться. Каждый раз, не найдя себе место в суде, он старался разговорить местных служаков, забредая к ним в кабинет и начиная рассказывать очередную историю, произошедшую с ним на днях.

«Давеча повстречал я...», так начиналась любая история Павла, которой он готов был поделиться с любым, готовым его слушать, при этом совсем не обращая внимания на то, что слушать его никто, в общем-то, и не хотел, однако историю свою этот неумолкающий пристав всегда заканчивал.

Радуюсь тому, что Павел занят своей сигаркой, Николай проскочил в здание суда и, повернув направо по длинному коридору, двинулся в свой не совсем уютный и пыльный кабинет, где его уже поджидал Григорий Афанасьевич Меланов, помощник судьи и фактически начальник Виноградова в пределах своих полномочий.

– Николай Викторович, вы, как всегда, вовремя, – усмехнулся Григорий и вернулся к своим документам.

Николай не обратил на это замечание никакого внимания. Его рабочие дни, были похожи друг на друга, как отражения в зеркале. Он привык к едким замечаниям судьи, которые он вскоре услышит, и к шуточкам его помощника, который любил прокомментировать любое действие секретаря.

Виноградов прошел вглубь кабинета, повесил фуражку на рогатую вешалку, что призывно растопырила свои крючки. Сняв жилетку, он аккуратно поместил её ниже фуражки и, слегка потянувшись, вновь проверил свои часы на цепочке.

– День только начался, Николай Викторович, – заметив его действия, прокомментировал судебный помощник, – сегодня вас ожидают не самые веселые дела.

– А что, Юлиан Игнатьевич уже на работе?

– Готовится, – Григорий головой указал на дверь в соседний кабинет, где располагались покои судьи.

Юлиан Игнатьевич был окружным судьей, входивший в коллегия уголовного отделения судей. Григорий Меланов являлся его помощником, а сам Виноградов был секретарём Меланова, фактически являясь секретарём и самого судьи.

Виноградов мог бы похвастаться своей работой, если бы она не была столь нудна и скучна, что иногда ему приходилось засыпать прямо на рабочем столе, измазавшись чернилами, пытаясь вникнуть в очередную бумажку, что принес ему на стол Меланов. Несколько его

костюмов не пережили подобного способа отдыха и были быстро заменены, что, конечно, не прибавляло монет в не самый толстый карман Николая.

Он старался вести себя профессионально, обрабатывать тот или иной документ, принимать корреспонденцию для судьи и даже иногда почитать решения по делам, в которых принимал участие Юлиан Игнатьевич, благо Григорий был не против такого самообразования своего подчиненного.

– Я говорил тебе, что твоя нерасторопность и испуг не дадут тебе возможность быть избранным судьей, – произнес Григорий Афанасьевич, заметив, как Николай распечатывает очередной конверт для принятия ещё одного письма.

На столе у секретаря сложилось уже столько бумаг, что иногда ему приходилось занимать стоящий возле шкафа свободный столик, чтобы разобрать все, что ему причиталось.

– Я и не стремлюсь туда, – пожал плечами Виноградов. Он не врал, занимать должность судьи он не хотел, предпочитая продолжать находится в философском поиске своего места под солнцем. Другие его позиции не разделяли, в том числе и родители, которые явно хотели видеть сына в числе почетной должности судьи. Однако для того, чтобы его избрали, требовалось исполнить обширный список условий. Сделать это было не так просто, а учитывая, что сам Николай не хотел продвигать себя, большая часть этих условий оставалось невыполненной.

– Если ты этого не желаешь, то что же ты здесь сидишь? Руки у тебя свободны, а твои мечты, коль они имеются, за тебя никто не исполнит.

Григорий относился к Николаю и как добрый друг и как наставник, пытаясь мягкой рукой вывести что хочет его секретарь и указать путь, но сам он не влезал в тайны своего подчиненного и продвигать по службе без его ведома не хотел.

– Когда я уйду, кто-то должен будет занять мое место, – как бы невзначай произнес он, – коль будешь здесь, лучше тебе не зевать, – он подмигнул и вернулся к своей работе.

Николай хмыкнул. Было ощущение, что все сговорились, и каждый пытался затащить его туда, где, как им казалось, Виноградову будет лучше всего. Он мог бы возмутиться, спросить, почему никто не хочет узнать чего хочет сам Николай. Проблема лишь была в том, что он и сам этого не знал.

– Как в той сказке, в поисках того, никто не знает чего, – вслух произнес Виноградов, чем привлек к себе внимание Григория.

– Что ты там говоришь?

– Нет, ничего, – отмахнулся секретарь и неуклюже попытался сделать вид, что он продолжает работать.

Канцелярский нож в его руках уже превратился в подобие пера. Он словно весло на лодке, плавно скользил по конверту, лишь одним шелестом сообщая о том, что очередное письмо вскрыто и вскоре его содержимое отправится в очередную папку, где будет храниться, пока его не прочтет слуга правосудия.

– Коля, нужно срочно отнести документы в зал заседаний, – Виноградов медленно поднял голову, осознавая, что он так вошел в работу, что и позабыл который час и все свои дела делал машинально.

– Который час?

– Так уж третий пошел, Юлиан Игнатьевич даже подумал, что ты заснул, – усмехнулся Григорий, а потом неожиданно посуровел, – не трать время понапрасну, беги в зал.

Николай вздохнул и встал из-за стола. Он часто думал, что иногда окружающие его люди пользуются его добротой и порой наивностью, чтобы сбросить на него грязную работу, которую сами выполнять не хотели. Конечно, ему было не сложно, к тому же, то, о чем его обычно просили, и так входило в его обязанности, но порой вызывало явное раздражение, что, кроме него, никого больше не трогали.

Пока Виноградов приводил себя в порядок, Григорий Афанасьевич уже приготовил папку с документами для судьи и вручил её Николаю.

– Не задерживайся, зашел и вышел, – выдал последнее наставление Меланов, и, будто колдуя над своим подчиненным, рукой сделал над головой Николая пасс руками, как бы разворачивая его двери, и махнул ему вслед.

Идя по коридору и держа под рукой папку с делом, Николай оглядывался по сторонам. Широкие коридоры окружного суда уже наполнились многочисленными посетителями. Каждый из них ожидал своей очереди, прежде чем оказаться перед ликом правосудия в лице коллегии судей и прокурора. Единственная их надежда была на своего поверенного, которого они воспринимали, словно каменную стену перед слепым ликом Фемиды.

Широкие серые стены здания суда наполнялись различными запахами. На уголовные дела приходили самые различные личности и здесь редко кто походил на приличного человека, особенно когда тебя под мышку приводит пристав и оставляет за столом, рядом с которым, преодолевая свои принципы, выступал защитник, надеясь повлиять на мнение судей.

Николай перестал слышать свои шаги, когда вошел в эту толпу, которая давно превратилась в балаган. Сидящие на скамейках переговаривались, наклонившись друг к другу, как будто пытались сохранить какой-то секрет от посторонних. Николай усмехнулся такой попытке скрыться от чужих глаз. Их секреты выйдут наружу через несколько минут, как только они окажутся в зале заседаний, где опытный прокурор и не менее опытный поверенный вывернут наизнанку как подсудимого, так и свидетеля.

На самом деле Виноградов видел разных выступающих. Перед его глазами один из поверенных напрочь разбил все доводы прокурора, одной лишь финальной речью, и убедил присяжных отпустить его подзащитного, тогда как прокурор стоял с широко раскрытыми глазами, не понимая, где он сделал ошибку.

Бывало и противоположное. Опытный прокурор опрокидывал все аргументы присяжного поверенного, не давая ему даже подумать, из-за чего заседание закончилось, почти не начавшись.

Все это были лишь единичные случаи. Финальная стадия того, что происходила за стенами суда и до того, как подсудимый окажется перед суровыми лицами судей или скучающими присяжными.

Скрипнув дверью, Николай вошел в зал суда со стороны судейской трибуны. Заседание уже шло, но, судя по всему, оно не касалось того дела, что нес Николай Юлиану Игнатьевичу.

Сам судья сидел слева от своего коллеги и, изредка приближая лицо, что-то шептал председателствующему, тот многозначительно кивал и возвращался к процессу. Высокий, жилистый, чего не было видно из-под одежды, и уже изрядно полысевший, Юлиан Игнатьевич с интересом смотрел в зал заседания, где как раз выступала сторона защиты.

– Вы действительно верите, что эта женщина способна была совершить этот удар из-за злого умысла? – громко вопрошал поверенный.

Николай наострил уши и, не сводя глаз с зала, протянул папку судье. Из-за высокой трибуны секретаря не было видно, поэтому он мог спокойно продолжать слушать. Юлиан Игнатьевич, получив то, что ему было нужно, небрежно махнул рукой, и Николай быстро ретировался только для того, чтобы войти в зал уже с общей стороны.

Слегка скрипнув дверью, он встал подле ещё одного слушателя и принялся выглядывать из-за плеча в зал.

Поверенный стоял возле стола, держа свою речь перед коллегией присяжных и судей. Подле него за столиком, на котором лежала кipa бумаг, сидела молодая женщина в темном, даже черном платье. Высокий ворот прикрывал её шею, а длинные рукава позволяли прятать ладони, что подсудимая и делала, как будто пытаясь скрыться ото всех. С виду она была очень

миловидной, но её покрасневшее от слез лицо говорило о том, что проблемы свалились на бедную женщину весьма стремительно.

Поверенный привлекал к себе больше внимания, просто потому что именно он сейчас держал речь. Его Виноградов узнал не сразу, но приглядевшись, понял, что это довольно известный защитник Серов Петр Платонович. Высокий поседевший мужчина со щеткой усов под носом, он не был похож на великого воина, которому можно доверить свою жизнь, но в суде его знания юриспруденции, аргументы и голос говорили сами за себя. Говорили, что Серов предпочитает чуть ли не лично вести дела и всегда собирает все доказательства, какие только мог найти, именно поэтому он выстраивал безупречную защиту, а его клиентами порой становились богатые люди, которые попадали в тяжелые ситуации и потеряли всякую поддержку окружающих.

Не боялся Петр Платонович помогать и обычным работягам, обычно такие дела редко попадали в окружной суд, большую часть рассматривали мировые судьи, впрочем, слава Серова шла далеко вперед. Конечно, он не мог похвастаться столь грозной репутацией, которой славились, например, Плевако или Кони, но, если бы слава его интересовала, она бы без сомнения была у него в руках.

Напротив, по ту сторону зала, сидели двое мужчин – потерпевший и прокурор.

Первый, слегка сгорбившись, налег на стол и, судя по тяжело вздымающейся спине, он явно пытался пересилить боль. Приглядевшись, Виноградов заметил, что почти все его тело перебинтовано, и лоскуты повязок выглядывали из-под шинели. Разглядеть лицо возможности не представляло, словно копируя или издеваясь над подсудимой, потерпевший прикрывал лицо широкой шляпой с золотистым значком, что блестел на свету. По телосложению Николаю показалось, что потерпевший-горбун, а бинты явно давили на его болезненный недостаток, и из-за этого тот не мог нормально сидеть.

Рядом же восседал прокурор, который даже не слушал речь поверенного, продолжая копаться в своих бумагах. Это был безликий человек, запомнить которого было проще простого и также легко забыть, как только повернешься к толпе. Ничем не примечательное лицо с широкими усами, одет он был в форму прокурора, что Николай часто видел на своем друге Никите, но в отличие от Степнова, этот защитник закона не сильно то и старался, видимо, поняв, кто перед ним в качестве противника, он решил сдаться, не сражаясь.

В это время защитник уже выдавал последние аргументы.

– Она несчастная вдова, которую постоянно, не унимаясь и не слыша её мольбы, преследовал наш уважаемый потерпевший, – говорил, чеканя каждое слово, при этом рука поверенного взметнулась в сторону, показывая на соседнюю скамейку, где, скрючившись в три погибели, сидел потерпевший, продолжая прикрывать лицо широкой шляпой.

– Уважаемые присяжные, в ваших руках находится судьба этой прекрасной женщины, вы готовы принести ей ещё больше горя после того, как она потеряла мужа и едва не потеряла честь? – поверенный замолк, давая слушателям понять то, о чем он говорит и, наконец, сделал последний ход, – я в этом сомневаюсь.

Он сел, а присяжные повернулись к судьям, готовясь услышать напутственные слова председателя, прежде чем уйдут для вынесения вердикта. Николай, словно маленький, смотрел на поверенного. Ещё немного – и зрители бы ему похлопали, но сдержались, увидев суровые лица судей, которые явно не очень любили впечатляться подобными речами, слыша их каждый день.

Виноградов покинул зал заседания ещё до вынесения вердикта, но постоянно мысленно возвращался туда снова и снова. Он много раз видел и слышал речи поверенных, но почему именно сегодня она задела его? Этот тон, эта уверенность в своей правоте и судя по всему в невиновности девушки, что была очень близка к тому, чтобы оказаться на каторге или где похуже.

Вернувшись в кабинет, Николай ещё долго смотрел на бумажки, что его окружали. Внезапно, впервые за несколько лет своей работы, он почувствовал себя столь бесполезным, тенью в углу комнаты, которую никто не замечает. Пыльным тулупом в сундуке, что достают при морозах, когда другой одежды просто не находится.

Бросив взгляд на свой стол, Николай взял свою жилетку и фуражку, в которой он больше походил на рабочего, нежели на секретаря помощника судьи окружного суда, и вышел на улицу, надеясь подышать перед тем, как этот слишком длинный и одновременно столь короткий рабочий день испустит свой последний вздох.

Присев на скамейку возле суда, Николай положил под подбородок руку и задумался. В вечерней тени стены окружного суда ещё больше походили на мощный замок, где проходили самые настоящие турниры. Остроумие, логика и аргументы – вот, что являлось орудием настоящего рыцаря, что посещали этот замок правосудия, а наградой было нечто большее, чем золото. Жизнь человека.

– Я ещё завтра зайду, – услышал он смешок с порога суда, – в следующий раз не опаздывайте, пожалуйста, Ваше высокоблагородие, иначе как мне вас защищать?

Поверенный Серов, накрывая свою седую голову шляпой – котелком, и, держа в руках небольшой кожаный портфель, медленно спускался со ступенек суда, переговариваясь с очередным пострадавшим, который, судя по погонам, был военным в звании майора.

Они разошлись, а поверенный, переступая с ноги на ногу, вдохнул вечерний воздух.

– Прошу прощения, Ваше высочордие, – подал голос Николай, поднимаясь со скамейки. По тому, что он помнил относительно Серова, тот был статским советником, и обращаться к нему следовало соответствующее, – я хочу сказать, что я впечатлен вашей сегодняшней речью.

– Какой из? – рассмеялся поверенный, включаясь в беседу.

– Та, в которой речь шла о благородной даме.

– Ааа, – закивал Петр Платонович, – да, да. Бедняжка, она многое потеряла, но хотя бы сегодня она смогла вдохнуть свободно.

– Её оправдали?

– Она это заслужила, – прямо не отвечая на вопрос, произнес Серов, поглаживая свою шляпу, – интересуетесь юриспруденцией?

Виноградов улыбнулся тому, как легко общался Петр Платонович. Будто для этого человека не существовало ни чинов, ни званий. Его речь была чистой, аккуратной и в тоже время приятной. Теперь было понятно, как ему доверяли люди.

– Я работаю здесь, – махнул рукой на суд Николай, – позвольте представиться – Николай Викторович Виноградов.

– Очень рад молодой гвардии, – усмехнулся Серов и крепко пожал руку новому знакомому, – планируете занять место одного из местных? Учтите, я верю в справедливый суд.

– Сейчас уже сомневаюсь, – немного скромно, но честно ответил Николай, – но кто меня спросит.

– Вот я и спрашиваю, – рассмеялся поверенный, – поверьте, вы ещё молоды, ваша дорога только начинается, вопрос какую вы выберете.

Виноградов задумался. Правда, ненадолго, да и думать было некогда, надо было решать и решать срочно, пока Серов не ушел. Внезапно для самого себя он почувствовал, чего он действительно хочет и куда стремится.

– Ваше высочордие, а если бы я хотел пойти по вашим стопам.

Серов задумался. Куснув ус, он потер подбородок и переложил свой саквояж в другую руку.

– В любом другом случае, молодой человек я бы сказал не торопиться, но вы же работаете здесь не первый день, я прав?

Николай кивнул. Его сердце забилося чаще. Он действительно прекрасно знал, каковы условия для становления поверенным, но никогда не рассматривал этот вариант всерьез до сего момента.

– Тогда никто вас не держит. Я вижу по вашим глазам, что вы благородны в своих пожеланиях, не бойтесь бросать якорь, который тянет вас ко дну.

– Если мне понадобится ваш... совет?

– Николай Викторович, – Серов искренне улыбнулся. Николай не знал, часто ли подобное слышит поверенный, но судя по тому, как он себя повел, Петр Платонович был весьма рад услышать что-то подобное, – вы впечатлили меня. Я привык опираться на факты и интуицию... – он оглядел Виноградова, словно оценщик очередной манекен с дорогим костюмом, у какого-нибудь портного, – и сейчас уверен, что вы говорите искренне. Приходите ко мне, как разрешите этот вопрос окончательно.

– Благодарю, Петр Платонович! Ваше высокородие!

– Первое правило поверенного – не нужно принижаться и разбрасываться званиями. Иной раз простой люд не сможет принять вашу помощь, если увидит, что вы ставите себя выше всего.

Николай улыбнулся. Его душа неожиданно запела, и он готов был чуть ли не сейчас пойти в суд и сказать, что он уходит. Однако внезапный порыв он затушил, понимая, что решение хоть и серьезное, но ещё раз обдумать все необходимо.

– Вы далеко живете?

– Снимаю комнату на Грибной, – отозвался удивленный Николай.

– Не порядок, слишком далеко, нужно что-то поближе.

Серов открыл свой портфель и, выудив оттуда аккуратно свернутую бумажечку, протянул её Виноградову. Переданное оказалось объявлением о поиске нанимателя комнаты. На нем ровными буквами красовалась «Сдаю комнату. Шестакова М.Б.», а далее чуть поменьше шел адрес.

– Это моя знакомая, хорошая домоправительница, ищет спокойных жильцов. Место относительно недорогое, думаю, вы потянете, лучше вам спросить самостоятельно.

Ещё раз взглянув на объявление, Николай кивнул, давая понять, что он все ещё раз обдумает, прежде чем принять решение. Аккуратно свернув кусочек бумаги, словно это был билет в неизведанные края, Виноградов вложил его во внутренний карман жилетки и, попрощавшись с Серовым, двинулся назад в свой пыльный кабинет, который, по мнению Николая, ещё никогда не встречал его с такой грустью, словно понимая, что его житель покидает его и скорее всего навсегда.

Глава 3

Радость от выбранного пути для Николая Виноградова улетучилась также быстро, как и пришла. Приняв решение уйти в присяжные поверенные, он не оценил самого главного – времени. Именно оно было необходимо, чтобы разобраться со всеми аспектами его будущего пути и решить те проблемы, которые могли возникнуть у него при этом, казалось бы, решительном рывке со скалы в пучину того, что называется адвокатура. А решать было чего.

Придя на следующий день в свой, как он думал уже бывший кабинет, он сообщил о своем выборе Григорию, тот хмуро покачал головой. Его доброжелательный вид, которым он всегда одаривал Николая, исчез также быстро, как появляются черные тучи в яркий солнечный день.

– Когда я говорил тебе сделать выбор, я не думал, что ты... – он хмыкнул, не договаривая фразу и отворачиваясь от своего секретаря, – ты весьма меня удивил.

– Разве не ты говорил мне окончательно решить чего я хочу.

Григорий Афанасьевич лишь махнул рукой. Только тогда Виноградову стало понятно, что помощник судьи явно рассчитывал на то, что в один прекрасный день Николай скажет,

что окончательно решил следовать по пути, который приведет его к мантии судьи, а Григорий начнет учить его тому, что знает сам. Фактически он не предлагал Виноградову выбор, он лишь хотел, чтобы Николай поставил окончательную точку в своем метаниях и двигался дальше, по той дороге, на которой он прямо сейчас и находился.

Размолвка произошла неожиданно, так, что Николай даже растерялся. Не видя возможности на данный момент примириться с Григорием, Виноградову пришлось пойти дальше и сообщить о своем уходе Юлиану Игнатьевичу. Тот был более сдержанным и даже пообещал дать рекомендацию в совет присяжных поверенных, но и его реакция была не той, что ожидал Николай. Он понял, что одним заявлением настроил против себя тех людей, которые верили ему. И хотя сам Виноградов знал множество поверенных, которые подобно ему двинулись в адвокатуру с постов секретарей, а то и выше, он никогда не слышал, чтобы судьи так бурно реагировали на уход своих коллег. Видимо, и Григорий, и Юлиан Игнатьевич, действительно, высоко ценили Николая. Однако выбор был сделан, и, вновь проявив нерешительность, Виноградов снова окажется в своей скорлупке, поросший тоской и апатией, поиска смысла там, где его может и не быть.

В тот вечер, когда он пришел домой, он моментально написал письмо родителям, расписав в красках свою встречу с Серовым и то, какое впечатление поверенный произвел на него своими речами и мудрым взглядом на жизнь. Конечно, он не был уверен в том, как его семья отреагирует на такую резкую смену курса, по которому Николай шел последние пять лет, но он также надеялся, что, сообщив своим родителям о том, что он наконец-то смог определиться в своей жизни, заставит их принять его выбор.

Перепроверив письмо, он вложил его в конверт, аккуратно запечатал и уже утром, перед тем, как пойти на работу, отправил его через почтовое отделение в родное имение.

Когда же серьезный разговор на работе превратился в спор о его будущем, Николай понял, что возможно с отправкой письма он поторопился. Сидя в одиночестве в пока что ещё на своем рабочем месте, Виноградов раздумывал о том, почему он встретил такое резкое противостояние. А ведь ему ещё предстоит сообщить о своем выборе Степнову. Неожиданная резкая реакция Григория Афанасьевича заставила Николая съезжиться в преддверии разговора с лучшим другом и его дальнейшей реакции.

Вопрос о смене жилья, о котором он также думал и по совету Серова собрался обратиться по выданному ему адресу, ушел даже не на второй, а на третий план. Паровоз, на котором Николай собирался рвануть в веселое и интересное путешествие по дальнейшему железнодорожному пути его карьеры, затормозил так резко, что его единственный пассажир был готов вывалиться из вагона.

Сложив руки на голове, Николай уже в который раз перечитывал свое заявление в совет присяжных поверенных, где и должны были определить его дальнейшую судьбу в адвокатуре. Его вдруг настиг страх того, что судья мог оставить не самую лестную характеристику, которая моментально отрежет ему все пути в поверенные. Конечно, Виноградов понимал, что Юлиан Игнатьевич достойный человек и какую бы обиду он не держал на него, судья не станет вставлять ему палки в колеса. С другой стороны, он вполне мог на эмоциях перечеркнуть всю оставшуюся карьеру Виноградова.

Наконец, тряхнув головой, отгоняя от себя дурные мысли, и сжав кулаки, Николай поднялся. За окном уже вечерело, а значит, и рабочий день подходил к концу. Накинув на себя коричневое пальто, которое он приобрел сегодня утром перед работой, он прошелся по кабинету, собирая остатки необходимых документов и заявление. Сложив все в белый бумажный конверт, Николай убедился в его целостности и открыв, пока что ещё его шкафчик в столике, спрятал заветный конверт внутрь. Завтра ему ещё предстоит взять рекомендации у Юлиана Игнатьевича и попрощаться с этим пусть и скучным, но весьма уютным кабинетом.

Улица его встретила теплый ветерком и приветливым заревом от солнечного заката. Эти часы Николай любил, покидая душный кабинет, он мог вдохнуть свежий воздух столицы, пройти по каменным улицам и насладиться своими мыслями по пути домой.

Однако сегодня его путь был намного длиннее. Идти обратно на Грибную ему не хотелось, а ожидать Степнова у здания прокуратуры можно было долго, поэтому – они решили встретиться в своем любимом месте в небольшой ресторане неподалеку от их старого места проживания.

Когда обучение кончилось и друзья пошли каждый по своему пути, они сменили жилье, предпочитая находиться поближе к своей работе. Однако Степнову повезло чуть больше чем Николаю, поскольку его друг сумел найти не только комнату поближе к прокуратуре, но достаточно сбалансированную цену, позволяющую ему всегда быть на коне. Сам же Виноградов нашел комнату на Грибной. Чистая улица, но находящаяся на почтленном расстоянии от судебной палаты. Впрочем, как сам отметил Николай, долгие прогулки после работы позволяют ему проветривать голову от ненужных мыслей... и заполнять её своей вечной нерешительностью.

Николай вообще удивился, как с возрастом его друг стал ещё более рациональной личностью, увеличивая свои знания и совмещая это с тем жизненным опытом, который он приобрел за свою жизнь. В то время как Николай впал в апатию, продолжая мелкими шажками даже не пробиваться, а просто идти к непонятному будущему. Степнов как губка впитывал все, что мог впитать. За время своего свободного плаванья, он успел разбить несколько дамских сердец, призывая и Виноградова последовать своему пути.

«Твоя красота вполне способна справиться с этим и без высокопарных предложений, мой друг, достаточно лишь сказать „Нет“, – шутил Степнов, когда он рассказывал о своем очередном походе.

Жену Никита пока не нашел, но Николай знал, что он приударил за дочерью некоего чиновника, который работал в одном из многочисленных министерств столицы.

Ресторан был забит гостями, словно был какой-то праздник. Официанты носились, как бешенные, тут и там виднелись усахи офицеры, что сдвинули несколько столиков в один, праздновали очередное звание. По размерам усов Николай уже вполне мог определить, кто перед ним, вот и сейчас стол возглавлял молодой майор, который одним своим видом говорил, что он покоряет не только поле боя, но и дамские сердца. Улыбаясь веселой обстановке, Виноградов обошел красавца усача и принялся вглядываться в пространство в поисках свободного места.

«Поздравят ли меня также, когда я уйду из судебной палаты?» – хмыкнул себе под нос Николай, присаживаясь за небольшой столик в углу ресторана. Они любили со Степновым находиться в подобных местах, им казалось, что так они хранят некие секреты, даже если разговор шел о погоде за окном. А учитывая утонченность и внешний вид молодых юристов, они действительно могли сойти за членов некой тайной организации.

Жалование Виноградова вполне хватало на то, чтобы не только поужинать самому, но и угостить нескольких друзей, а учитывая, что он ожидал только Степнова, то встретить друга Николай решил его любимым прожаренным мясом, который Никита заказывал каждый раз, как они здесь бывали.

Однако сюрприз не получился, поскольку Степнов появился чуть раньше. Проталкиваясь через толпу гостей, которые продолжали стягиваться к празднику офицеров, Никита вертел головой в поисках друга, а когда увидел взметнувшуюся вверх руку, улыбнулся своей обаятельной улыбкой.

– А вот и он, человек, которого я не видел четыре, нет, пять тысяч лет, – рассмеялся он, пожимая руку Николаю и падая на мягкий стул напротив друга, – заказики, Николай Викторович? – хитро спросил Степнов, поднимая корочку меню.

– Уже сделаны, Никита Алексеевич, – вернул шутку Виноградов, – но если желаете что-то ещё, то я готов и это оплатить.

Молодой прокурор хмыкнул и взгляделся в лицо друга, словно пытался увидеть причины столь веселого настроения и попутно повод, по которому его друг вызвал Степнова в ресторан. Сам Николай моментально вспомнил, что они здесь не просто повеселиться, а решить важный вопрос в его жизни. Точнее, вопрос уже был решен, ему лишь нужно было получить поддержку от друга, который так рьяно затягивал его к себе.

– Ну и что за повод? – наконец-то сдался Никита, – уж не за тем ли, чтобы отпраздновать повышение майора?

– Я бы не отказался оказаться там, – кивнул Николай, смотря на веселую толпу, которая словно муравьи продолжали прибывать. Ещё немного – и им, возможно, понадобится забрать все столики, в том числе и их, чтобы уместить всех гостей в одном пространстве.

Принесли их заказ в виде двух кусков прожаренного мяса и бутылки красного французского вина. Это ещё больше удивило Степнова, который старался не притрагиваться к вину в середине недели, ведь оно туманит мозг. Николай тогда весело рассмеялся, сказав, что мозг другу туманят красавицы, которые то и дело выходят из его комнаты.

– Значит, ты хочешь уйти в доверенные, – аккуратно разрезая кусочек, повторил Степнов, после того, как Виноградов изложил ему все относительно своего решения.

– Я не просто хочу, а уже подготовил все необходимое, – сложив пальцы мостиком, хмуро ответил Николай, смотря на то, как его друг заканчивает с ужином.

– Если ты уже все решил, мое мнение тебе зачем? Нет, не так, что стоит за моим одобрением?

– Одобрением? – непонимающе повторил Николай, – я лишь....

Степнов поднял руку, призывая друга помолчать. Он махнул рукой и, словно чертик из табакерки, появился официант. Никита, заказав себе чай, повернулся к Николаю:

– Если бы тебе был нужен совет, ты бы спросил его до того, как уже все решил. Мое мнение ты знаешь, ты бы лучше смотрелся у нас, проклятье, Коля, зачем ты поторопился?!

Николай взволновано посмотрел на Степнова. Угадать, что испытывал его друг, было не трудно, ярость, грусть и возможно разочарование.

– Я сделал выбор! – упрямо повторил Виноградов, делая глоток вина, – ты меня призывал сделать это, и вот теперь....

– Теперь? Ты подумал о последствиях?

– Это обычное дело, Никит, – Николай вразумлял друга, словно маленького ребенка, ему казалось, что Степнов, – что может быть такого, чего я не знаю?

Никита поднял бровь. Он всегда так делал, когда готов был выдать аргумент, который обычно убивал всю позицию Николая, и тому приходилось согласиться с другом.

– А если, например нам придется встретиться в суде? Я не буду тебя щадить, – хмуро произнес Степнов, – чего не скажешь о тебе.

– Думаешь, я не способен оказать отпор?!

– Способен, – кивнул Никита, – но не мне. Твое мягкое сердце не позволит противостоять близким тебе людям. Коля, ещё есть время, подумай...

– Хватит, – неожиданно для самого себя, Николай поднялся и двумя руками облокотился на стол, – ты прав, я пришел за твоим одобрением. Одобрением как друга, человека, который сделал свой выбор, но теперь, почему-то, не дает его сделать мне.

Степнов не собирался отступать. Он тоже поднялся и посмотрел на друга. Николай уже переборол свое волнение, и было видно, что он собирается отстаивать свои слова. Однако молодой прокурор уже не собирался отступать.

– Я всегда отмечал твой острый ум. Я знаю тебя, Коля, и знаю, что тебе было бы лучше.

– Ты не можешь этого знать, – покачал головой Николай, и сел назад.

Подали чай. Друзья молчали, пока Степнов разливал по кружкам ароматный напиток, который так и тянул их начать беседу снова и они, словно под влиянием этой необычной магии, подчинились.

– Ты должен понять меня, Никит.

– Да я никогда поверенных не понимал, – рассмеялся Степнов, хватая принесенную ватрушку.

Виноградов улыбнулся. Накал спал, и друзья снова могли спокойно говорить.

– Я выбрал это, потому что есть люди, которым нужна помощь, защита, в конце концов. Степнов понимающе закивал. Он сделал шумный глоток, а потом неожиданно сказал:

– Знаешь, а ведь, может быть, ты и прав, все-таки без тебя у меня и работы не будет.

Они рассмеялись.

– Я полагаю, Никита Алексеевич, я получил ваше одобрение? – спросил Николай, когда они вышли из ресторации и за ними закрылась дверь, сопровождаемая шумным тостом одного из офицеров.

– Нет, не получил, и я вряд ли тебе его дам по такому вопросу, – хмыкнул Степнов и хлопнул Виноградова по плечу, – но ты всегда можешь рассчитывать на меня.

– Спасибо, – улыбнулся в ответ на жест друга Николай.

– В конце концов, умная птица сама выбирает ветку, на которую сесть.

– Лестно, – коротко произнес Николай, и обнял друга.

Они прошли ещё какое-то время вместе, переговариваясь и обсуждая всякие пустяки. Степнов поведал, что вскоре встретится с родителями своей невесты, он уже называл её именно так, а после наконец-то сможет познакомить её с Николаем.

– Значит, все же будешь просить её руки?

– Пора уже, – кивнул Степнов, облачиваясь о фонарный столб, – я не молодею, и будущая должность позволяет сделать такой шаг.

В голосе Никиты Виноградов отчётливо слышал гордость и как будто подтрунивание над ним, словно говорил: «Ты мог бы быть со мной» – но он быстро отмахнулся от этой мысли.

– Тебе тоже бы не помешало друг мой, – рассмеялся Степнов, – чай не вечно в своих мечтах жить будешь.

– Исполню только одну, – ухмыльнулся Виноградов, неожиданно осознавая, что Никита снова прав: жить в одиночестве очень тяжело, и красавица жена – прекрасный способ это одиночество скрасить.

Разошлись поздно ночью, успев обсудить ещё несколько вопросов, связанных с будущим Николая. Он ожидал письмо от родителей, прежде чем окончательно двинутся дальше, но каким-бы ни был ответ от отца и матери, Виноградов твердо уверовал в свой выбор и сдаваться более не собирался.

Глава 4

Будучи сам юристом, Николай понимал, насколько порой тяжело разобраться во всех документах, которые приходили к нему в суд. Сейчас ему приходилось всем заниматься самостоятельно, и никто ничего ему не присылал.

К чести Юлиана Игнатьевича у Николая претензий не было. Судья доказал, что, несмотря на кажущийся конфликт, он поистине достойный человек, и выдал Виноградову неплохую характеристику в совет присяжных поверенных. Это было необходимо, в первую очередь, для самого Виноградова, который хотел бы убедиться в том, что его точно примут в поверенные.

Забирая свои вещи из суда и прощаясь с бывшими коллегами, Николай не поленился заказать небольшой столик, естественно, за свой счет. Успев убедиться, что его некогда, за счет рационального накопления, тугой кошелек изрядно прохудился, будущий поверенный с легкой улыбкой произнес слова благодарности за достойные годы обучения.

Они устроились в недорогой ресторации, куда любили заходить слуги закона. Она не была такой дорогой, наподобие той, где днем ранее Николай сидел со Степновым, но отличалась изысканными блюдами. Кроме того, офицерские военные чины были здесь не частыми гостями, предпочитая более шикарные и просторные апартаменты.

Помимо Юлиана Платоновича и Григория, Виноградов также пригласил и иных служащих суда, с которыми он успел поработать и подружиться: несколько секретарей, часто заменявшие Николая на заседаниях, пару помощников других судей и верный пристав Пашка Анасьев. Последнего, Виноградов приглашал на свой страх и риск, ведь Павел мало того что любитель поболтать, так в подпитии не обращал внимания ни на что и был готов говорить до тех пор, пока водка не сшибет его с ног окончательно. Под это дело Николай просил приносить Анасьеву почаще, дабы сократить время забавных историй до минимума.

Раненное сердце Григория слегка залечилось, и он уже спокойнее относился к уходу своего товарища. Сидя в ресторации, он поднялся и звонко ударив по стеклянному фужеру наполненному вином, прокашлялся.

– Господа, к сожалению, без дам, – начал свой тост Меланов, чем вызвал смехи у присутствующих, – честно признаться, я весьма озадачен, если не сказать расстроен тем, что наш уважаемый товарищ Николай Викторович решил покинуть нашу обитель.

Виноградов, сидя в центре стола как виновник торжества, внимательно слушал, что скажет Григорий. Он знал его как хорошего человека, но боялся, что обида и вино может заставить того произнести.

– Я считал, что его ждало светлое будущее в мантии судьи, – Меланов шумно сглотнул, – он выбрал другой путь, – казалось, что Григорий сейчас заплачет, но тот неожиданно улыбнулся, – то, что сделал Николай, говорит лишь о том, что он действительно чему-то научился.

Все вновь рассмеялись, поднимая рюмки и фужеры. Сердце Виноградова отлегло, понимая, что, несмотря на уход, его теперь уже бывшие коллеги не держат на него зла, а значит, он сможет спокойно работать на новом месте, не поминая кого-либо лихим словом.

Ближе к вечеру, когда за Анасьевым уже успели вызвать извозчика, который под крики пристава «Вези на бал» умчал пьяного Павла на его адрес, а большая часть секретарей и помощников разошлись, к Николаю подсел Юлиан Игнатьевич. В отличие от своих подчиненных, судья был трезв как стеклышко, он и в суде имел репутацию аскета, предпочитая всегда быть рациональным в любой ситуации и не мутить свой разум различными напитками и дымом табака.

– Я уважаю твой выбор, Николай, – таинственно начал судья, похлопав Виноградова по плечу, – не стоит думать, что поверенные нам противники, как и то, что они противники прокурорам, но практически всегда им тяжело при защите своих... защищаемых.

Было видно, что Юлиан Игнатьевич пытался подобрать слова и что-то донести до Николая. Будучи слегка подвыпившим, будущий поверенный все же смог сбросить с себя наваждение и вслушаться слова бывшего наставника.

– Ты должен помнить, что поверенный – это не только пламенные речи в суде, хотя без них никуда. В общем, – он вновь похлопал Николая по плечу, – не разочаруй и не разочаруйся, Николай, иначе...

Он не стал заканчивать свою речь. Встав, судья закинул себе на локоть свой сюртук и вместе с Григорием, который ещё раз пожелал Николаю удачи, покинули ресторацию, ловя очередного извозчика.

Виноградов, оставшись один, с грустью взглянул им вслед. На душе скребли кошки и сомнения правильности выбора. Он знал это чувство, ведь нередко испытывал его во время обучения, но каждый раз усилием воли заставлял себя делать то, что он считает правильным.

Слова судьи заставили его задуматься, что он имел ввиду. То, что он не должен разочаровывать людей – это Виноградов понимал и сам, но, чтобы разочароваться....

«Скорее очароваться», – подумал про себя Николай, вставая из-за стола и с легкой растерянностью смотря на шикарный стол, который «съел» большую часть его жалования. Если он вскоре не найдет работу, ему придется менять комнату, впрочем вариант у него имелся, и завтра он собирался его посмотреть.

На следующее утро Николай прибыл прямиком в контору Серова. Поверенный принимал своих клиентов в собственном доме, в личном кабинете и нисколько этого не стеснялся.

Дом Серова, по заветам самого поверенного, располагался на одной из центральных улиц, от которой было недалеко как до суда, так и до прокуратуры, куда адвокат по долгу службы должен был наведываться весьма часто.

Глядя на шикарный дом, в котором жил Серов, Виноградов с ужасом обнаружил, что на данный момент не может позволить не то что квартиры, даже комнаты в подобном. Он уже засомневался, что способен оплатить комнату у таинственной Шестаковой М.Б., к которой он намеревался заглянуть сразу же после того, как выйдет от Серова.

Виноградов прибыл рано, клиентов ещё не было видно, впрочем сам Николай сомневался в том, что у поверенных собираются очереди подобно тем, что набегает в земскую поликлинику. Скорее всего, такие люди, как Серов могли позволить себе побыть немного снобами, предпочитая брать наиболее богатых клиентов. Впрочем, репутация Петра Платоновича была неимоверно высока не только среди богатых жителей города, но и среди обычных работяг, которым «посчастливилось» побывать клиентами именитого адвоката.

«Серов Петр Платонович» – гласила небольшая табличка на двери дома. Под ней было прикручено расписное кольцо для стука в дверь. Осмотрев узоры из золотой пыли, Николай в который раз убедился, что его возможный будущий покровитель – человек действительно не бедный и может позволить себе даже такие мелочи жизни, как кольцо для стука в дверь.

Тук, тук, тук. Рука Николая взялась за кольцо двери и три раза ударила в него. Было странно видеть такой старомодный способ сообщить хозяину дома о себе, но эффект был незабываемый, особенно для тех, кто пришел к поверенному в первый раз. Для богатых клиентов Серов явно служил эталоном качества, ведь не может владелец такого дома, просто так есть свой хлеб простые же люди увидят, что даже такой аристократ от юриспруденции, как Петр Платонович, живя в таких хоромы, снизошел до их горя.

«Чувствую себя именно также», – пронеслось в голове у Виноградова.

За дверью послышались шаги. Легкий скрип – и на пороге показалось милое личико девушки в белом чепчике на голове, что прикрывали собранные в пучок черные, как смоль волосы. Она похлопала своими длинными ресницами и с удивлением посмотрела на Николая. Тот немного замаялся от неожиданности, но быстро сообразил:

– Хоз... Петр Платонович дома?

– Он вас ожидает? – звонко уточнила экономка.

– Полагаю, что он знает, что я должен прийти, но мы не договаривались о времени, – пояснил Виноградов, доставая из внутреннего кармана часы и щелкая затворкой, – я бы хотел, чтобы вы предупредили обо мне, думаю, он согласится на встречу.

Девушка, все ещё держа дверь двумя руками, снова пробежалась взглядом по Николаю и, остановившись на лице и взгляде в его глаза, слегка зарделась и тут же отвела взгляд. Виноградову это польстило бы, но сейчас у него не было времени ухаживать за экономкой, к тому же, вряд ли бы это одобрил бы сам Серов.

– Я сообщу о вас, эээ...

– Виноградов Николай Викторович. Мы встречались в суде.

Девушка закивала и с грохотом захлопнула дверь, оставляя Николая ждать на пороге. Слегка спустившись со ступенек на обложенную кирпичам дорожку, Виноградов огляделся. Улица была идеальной для того, чтобы вести дела разного толка. Степнов рассказывал, что здесь, помимо Серова, проводят практику врачи, живут довольно высокие военные чины и

даже имеется дом человека с весьма высоким титулом, Впрочем, по словам молодого прокурора, здесь его никто не видел, а дом, скорее всего, был приобретен для молодой жены или, что более вероятно, любовницы, скрывавшейся от глаз общественности.

Не сказать, что улица обладала таинственностью, скорее наоборот она была открыта как на ладони, вскрывая каждую профессию человека, что здесь жил, и навсегда выдавая его общественности. Объявления в газете постоянно упоминали данную улицу, сообщая об очередном враче или ювелире, готовом принять на дому, собственно, именно так сам Николай нашел контору Серова.

Позади вновь скрипнула дверь, заставив Виноградова выйти из своих мыслей и обернуться. Экономка, слегка поклонившись и стараясь не смотреть Николаю в глаза, пролепетала:

– Петр Платонович ожидает вас.

Войдя в дом, Николай огляделся. Внутреннее убранство дома адвоката было ничуть не хуже, чем внешний фасад. Нет, золотом дом обит не был, но столы, кресла и шкафы были весьма высокого качества. В довольно широком для такого дома коридоре лежал ковер, а в дальней части, куда и вела его девушка, Николай краем глаза увидел самого хозяина, что сейчас в домашнем халате сидел за столом.

– Петр Платонович, доброе утро, – кивнул Виноградов, заходя в кабинет.

Серов, попивая ароматный чай, запах которого разносился по всему пространству адвокатской вотчины, широко улыбнулся. Николай редко видел поверенного вне заседаний, но в такой домашней обстановке тяжело было узнать умного и волевого поверенного, который своими речами заставлял судебные залы трепетать.

– Действительно доброе, раз я вижу ваше лицо, – продолжал улыбаться Серов и, поставив чашечку на блюдце, махнул рукой, – Луиза, будь добра, принеси нам ещё прибор, Николай Викторович завтракать изволит.

– Стоит ли мне отказаться? – усмехнулся Виноградов.

– Нет, – покачал головой Петр Платонович, – если только вы не желаете отведать весьма вкусные орехи в меду и кое-какие сладости из Персии.

Николай подумал, что помимо экономки, у Серова имелся целая плеяда служащих, которые облегчали ему жизнь, вряд ли все ограничивалось хрупкой Луизой, которая, к тому же, судя по её поведению, весьма тонкая натура, раз Виноградов смог впечатлить одной лишь своей внешностью.

– Нравится? – спросил Серов, глядя на Виноградова. Николай слегка замялся. Он не понял, о чем спрашивал его поверенный. Увидел интерес в глазах Николая по отношению к Луизе или же заметил любопытство, с которым он разглядывал кабинет адвоката.

А разглядывать было что: кабинет был заставлен высокими открытыми шкафами, заполненными сотнями книг и папок, некоторые из которых торчали своими корочками наружу, давая понять, что ими часто пользуются. Виноградов не сомневался, что как минимум часть их является законами империи, по которым работает адвокат, а другая часть – видимо, некоторые из его дел, которые он оставляет для себя.

Рядом со столом Серова стоял огромный глобус, для чего он нужен был, Николай так и не понял, но, видимо, Петр Платонович был любителем географии. Вполне возможно, что в этом шаре поверенный что-то прятал, кто знает. Тайны адвоката Виноградова не интересовали.

Позади, возле окна выходящего на улицу, стоял маленький столик с графином, наполненным водой, и несколькими прозрачными стаканчиками.

– Красиво, – нейтрально ответил Николай, стараясь не смотреть на вошедшую экономку, что прикатила небольшой столик с чаем и сладостями.

– Угощайтесь, Николай Викторович, – заметив, куда смотрит Виноградов, Серов рассмеялся, – более утонченные напитки стоят в моем основном кабинете.

Николай подхватил задор Петра Платоновича и принялся наслаждаться чаем. Сладости действительно были очень вкусными, таких он еще не пробовал. Сам поверенный также наслаждался сладким завтраком, даже не пытаясь переходить к делу. Он говорил обо всем, о погоде, о новостях, о том, как проходит электрификация страны, и о посещении императором очередного города. Казалось, что они собрались здесь для светской беседы, а не для решения будущего Николая.

– Значит, вы решили? – наконец спросил Серов, когда с чаем было покончено и хозяин дома встал из своего мягкого кресла и направился к окну, вглядываясь в летнее московское солнце, что палило прямо на пыльные улицы.

– Сомнения есть.

– Сомнения, Николай Викторович, трактуются в пользу сомневающегося.

– А я думал...

– Вы же юрист, мой друг, трактуйте фразы, как вам угодно, особенно для того, чтобы постичь истину.

Николай улыбнулся. Ему начинал нравиться подход Серова, он был живым человеком в душевном плане. Жил и наслаждался каждым моментом своей работы, видимо, в этом секрет его побед в заседаниях и его грозной репутации поверенного.

– Как вы собираетесь быть поверенным, если будете сомневаться, Николай Викторович? Что вы будете говорить вашим подзащитным и на суде? Что вы сомневаетесь? Это прямой путь к поражению. Именно поэтому я просил вас подумать серьезно, если вы будете постоянно сходить со своего пути, то вы никуда не придете.

Виноградов медленно закивал. Он и сам понимал, что следует твердо решить, чего он хочет, прежде чем что-то сделать. Проблема была в том, что он уже сделал слишком много, чтобы свернуть с пути. Он достал белый конверт и положил его на стол Серова.

– Я готов.

– Замечательно, – хлопнул в ладоши Петр Платонович, – слова не мальчика, но мужа. Документы я просмотрю и, конечно же, дам необходимую рекомендацию, однако...

Он сделал тягучую паузу, от которой у Виноградова засосало под ложечкой. Почесав подбородок, Серов осмотрел Николая и со вздохом сказал:

– Понимаете, Николай Викторович, для своей должности в суде вы уже слишком стары, но для поверенного вы ещё молоды. Вашего опыта едва хватит, чтобы вам могли доверить какое-либо дело.

Желудок Николая сжало от волнения. Как он мог быть таким слепым и не позаботиться о том, чтобы выяснить все необходимое. Вот, что бывает, когда прыгаешь в озеро, не зная ни его глубины, ни насколько оно холодное. Так можно и потонуть.

– Вижу вашу растерянность и страх в глазах, – мягко улыбнулся Серов, – съешьте конфетку, Николай Викторович. Вам нужно чуть больше времени, но, как я и сказал, моя интуиция – мой верный друг, верю ей насчет вас.

– И что она говорит насчет меня? – решился спросить Николай, беря сладость и тяжело жуя, словно молотом выбивая искры из железной заготовки.

– Что я не ошибся насчет вашего острого ума и смекалки, я дал вам шанс, и вы меня не разочаровали, – Серов прошел к столу и, открыв один из шкафчиков, вложил туда документы Виноградова, – дайте и мне шанс.

Виноградов нахмурился. Он не ожидал, что его путь в поверенные окажется таким тернистым, но кто сказал, что будет легко?

– Дать вам шанс?

– Да, станьте моим помощником, и через год, максимум через два, вы сможете стать поверенным самостоятельно.

– Но разве...

– Смотрите на это со стороны юриста, Николай Викторович, у вас есть опыт работы в суде, но в вашем возрасте вы уже должны быть помощником, но опыта работы с людьми вы не имеете, а я готов вам его предоставить. Я плачу неплохое жалование, вам хватит себя кормить и жить... кстати о жилье, вы уже обращались к моей знакомой?

– Планировал отправиться сразу после вас, – честно признался Николай.

– Замечательно, я вас провожу, и по дороге мы решим вопрос вашего трудоустройства, если ваши сомнения, конечно, ещё не развеялись.

Пока Виноградов размышлял о словах Серова, сам поверенный уже вышел из кабинета и, судя по стуку лестницы, двинулся на второй этаж. Послышались крики и указания, которые говорили о том, что Петр Платонович собирается для выхода в город.

К моменту его появления в кабинете, Николай успел обойти все углы и ознакомиться с названием кое-каких книг, как он и предполагал, большая часть из них относилась к работе Серова в качестве поверенного.

– Полная библиотека выше, Николай Викторович.

Голос поверенного вывел Виноградова из раздумий и заставил обернуться. Серов выглядел так же, как и при их первой встрече, в том же черном пиджаке на белую рубашку, со значком его профессии и вторым ярко золотой бляшкой в виде косы, что была приколотая чуть ниже значка поверенного.

– Мне нужно кое-что сделать, прежде чем дать вам ответ, – наконец-то высказал мысль Виноградов, – но я одной ногой к тому, чтобы принять ваше предложение.

– Замечательно, – улыбнулся Серов, протягивая руку к Николаю и выводя его в коридор за плечо, – тогда разберемся с вашим местом жительства и начнем работу.

Глава 5

Извозчики ходили по улице Серова чуть ли не каждые две минуты, поэтому поймать одного из них не составило труда. Сам Петр Платонович, даже не помышлял воспользоваться новым типом транспорта, который так любил Виноградов. Немногочисленные московские трамваи, были для него диковинкой, и сам поверенный был старой закалки, предпочитая старых, добрых лошадок неизвестным механизмам. Разумеется, Серов не собирался помышлять и конкой, которая в принципе не захаживала на его улицу, но Николай сомневался, что такой человек как Петр Платонович вообще был готов толкаться в толпе грязных рабочих. Несмотря на свою добродетель, Виноградов подозревал, что и у нее есть определенный предел.

– Марина Борисовна, человек интересный, – начал Серов, когда они сели к извозчику, – она однажды обратилась ко мне, и я ей помог, чем мог, с той поры я иногда привожу ей новых жильцов.

– Какое-то резонансное дело? – с интересом ухватился Николай за возможность узнать о своей возможной будущей домовладелице побольше.

– Нет, ничего серьезного, – отмахнулся Петр Платонович, – так, небольшой иск, но он помог ей сохранить свой дом. В качестве благодарности, она иногда идет мне на встречу и делает небольшие поблажки моим товарищам, которым порой негде жить.

Николай замялся. В последнее время у него выходило много трат, и он переживал, что его скудных накоплений может не хватить даже для первого взноса. Он мог бы обратиться к брату за помощью, на крайний случай Степнов мог одолжить ему несколько десятков рублей, но Николай, как и вся его семья, не любил быть в долгах, и если они были необходимы, то все члены семьи Виноградовых старались отдать долг как можно быстрее. Николай пошел дальше, он не любил брать в долг даже у своих родных, предпочитая не тревожить их лишним раз дополнительными тратами.

Впрочем, предложение Серова стать его помощником вполне могло дать ему некоторый заработок и дополнительный опыт – то, о чем думал Николай в последнее время. Он уже пони-

мал, что его неожиданный порыв нужно использовать, а также объяснить перед теми, кого он поставил перед фактом смены своей работы, родителей. Николай не сомневался, что от него потребуются ответы на некоторые вопросы, и он был готов их дать.

– Много жильцов от вас поступило Марине Борисовне? – решил поддержать разговор Виноградов, дабы не казалось, что он слишком робкий.

– Достаточно, чтобы она могла стабильно получать плату. В основном мои товарищи – люди занятые и долго у домовладелицы не задерживались, но, благо, их у меня много.

Серов усмехнулся, поправляя свои значки на пиджаке, – я, честно признаться, надеюсь, что вы задержитесь у нее подольше, впрочем, вы скоро сможете убедиться, насколько Марина Борисовна приятная женщина, да так, что вы сами не захотите съезжать от нее.

– Вы высокого о ней мнения, не так ли?

– Достойная женщина из достойной семьи и с достойным супругом, – пожал плечами поверенный, вглядываясь в улицы Москвы, а после добавил, – поверьте, Николай Викторович, я умею разбираться в людях, много повидал на своем веку и многих защищал. Когда человек в безвыходном положении, он читается как открытая книга. Поймете.

Николай не переставал удивляться Серову. Этот человек говорил умные вещи и делал это так утонченно, что его хотелось слушать и слушать. Казалось, что его голос обладает каким-то завораживающим оттенком, заставлявшим слушателей проникаться его идеями и мыслями, и оторваться было невозможно.

– Мы приехали.

Виноградов опустил ноги на каменную кладку улицы и огляделся. Выглядела она скуднее той, на которой жил Серов, но в разы лучше Грибной улицы, где проживал сам Виноградов. Здесь не было высоких особняков или дорогих садилов. Самое высокое строение представляла собой церковь, что стояла прямо неподалеку и привлекала своим золотистым куполом и крестом, от которого отражался солнечный свет. Картина была действительно прекрасной и дарила теплый луч одухотворения.

Дом Шестаковых не сильно выделялся на фоне остальных. Двухэтажный домик с приятным фасадом зеленого цвета. Небольшой балкончик выходил на улицу. Дверь в комнату была закрыта, поэтому понять, что творится внутри, было невозможно, впрочем, скоро Николай мог разглядеть нутро его возможного жилья самостоятельно.

Серов расплатился с извозчиком и, вскинув тросточку, словно фокусник слегка подправил свою шляпку. Все это он, проделал с такой ловкостью, что Виноградов даже удивился, как он не заметил эту самую трость, когда они выходили из дома Петра Платоновича и селились к извозчику.

– Ну, что скажите?

– Элегантно, – тоном знатока прокомментировал Виноградов.

– Соглашусь, Николай Викторович. Места завораживающие, скоро вы сможете убедиться, что лучше места для начинающего мастера своего дела не найти.

– Мастера своего дела, не поверенного? – попытался поддеть Серова Николай.

– Мастера, – подмигнул Петр Платонович и тросточкой указал на небольшую табличку на двери дома Шестаковых.

«Доктору или адвокату предлагается комната, хорошая мебель, приемная, кабинет по договору, около двух конок»

Объявление, судя по всему, было неполным, но поскольку оно располагалось прямо на дому домовладелицы, то все нюансы можно было обсудить лично.

– Марина Борисовна сдает комнату только докторам и юристам? – спросил Виноградов, изучив объявление, несколько раз пробежавшись по объявлению глазами. Оно ему показалось весьма грамотным, он бы не удивился, что и здесь Серов помог советом своей бывшей клиентке.

– Нет, раньше она принимала только врачей, – хмыкнул поверенный, – полагаю, что список пополнился после знакомства со мной.

– А ваши друзья тоже юристы?

– Нет, но здесь уже идет моя личная просьба Марине Борисовне.

Он постучал в дверь набалдашником трости. Виноградов вдруг задумался, зачем Серов вообще ее взял с собой. Приходя в суд, поверенный вполне обходился и без трости, а сейчас он прямо и демонстративно пользовался ей, словно нарочно пытался показать её публике.

Пару минут никого не было слышно, словно дом был пуст. Николай подумал об экономке, которая так же, как и у Серова, откроет им двери, но потом сообразил, что, будь Шестакова также богата, как и поверенный, она вряд ли бы развешивала объявление о сдаче комнат в наем.

– Может быть, никого нет дома? – предположил Виноградов.

– Нет, обычно Марина Борисовна всегда на своем месте, – покачал головой Серов и вновь принялся стучать в дверь.

На этот раз послышался странный шум внутри дома. Легкий грохот говорил о том, что в доме все же кто-то есть. После посетители услышали странный шелест, а с приближением шелеста – и бурчание женского голоса.

– ... опять торгаши, дураки и бездельники, не дают спокойно... ну, что надо?!

Дверь широко распахнулась, заставив Николая спрыгнуть с небольших ступенек дома и едва, не поскользнувшись, приземлиться на каменной дорожке. Плечом он почувствовал легкий толчок дверью, видимо, хозяйка часто так встречала незваных гостей.

– Прошу простить меня за беспокойство, Марина Борисовна, я не предупредил о своем приходе, – тростью подняв шляпу и, слегка поклонившись, извинился Серов, – я к вам по делу.

– Петр Платонович, батюшки, а я уж подумала это снова те мальчишки, – сложив руки в замок, а потом разведя их, затараторила Шестакова.

Обернувшись, Николай наконец-то смог разглядеть домовладелицу. Это была невысокая пухленькая женщина, в коричневом платье, разменявшая, судя по складкам морщин под глазами, четвертый десяток. Её светлые волосы, ещё не тронутые сединой, были подняты чуть вверх пучком и снисходили волнами вниз, прикрывая уши женщины. Волевой подбородок, тонкие губы и стать, а также уверенный голос говорили о том, что раннее Шестакова проходила обучение в Институте благородных девиц.

«Если это так, значит, её муж, если он у нее имеется, может быть весьма почетным господином», – пронеслась мысль в голове у Виноградова, когда он окончательно разглядел домовладелицу Марину Борисовну Шестакову.

– Ничего страшного, – отмахнулся поверенный и слегка отошел в сторону, – я вам привел нового жильца, по крайней мере, сам надеюсь на него.

– Ааа... дааа? – протянула Шестакова, осматривая Николая с ног до головы, словно пытаясь разглядеть все самые сокровенные тайны Виноградова, – а он?

– Фактически мой ученик, – подмигнул Серов, – Марина Борисовна, вы уж извините, дайте ему осмотреться, уверяю, Николай Викторович приличный человек.

Женщина что-то пробурчала себе под нос, но Виноградов не услышал, что именно. Казалось, что, несмотря на радость от прихода Серова, сама Шестакова не очень хотела его видеть и только изображала любезность. Впрочем, возможно сказывалась уличная жара, надоедливые соседи, о которых поминала домовладелица, и домашние дела, от которых её прервали.

– Пройдете на чашку чая? – наконец-то улыбнулась Марина Борисовна.

– Пожалуй, не откажусь. Николай Викторович, что скажите?

– Почему нет? – согласно кивнул Виноградов и двинулся за поверенным и хозяйкой дома.

В проходе Николай заметил вешалку, куда Серов тут же забросил свою шляпу и повесил трость, которая, скорее всего, ему только мешала, а носил её поверенный для солидности. Рядом с входом висело широкое зеркало в деревянной раме с резными узорами в виде замысло-

ватых завитушек и миленьких животных. Засмотревшись на зеркало, Николай не сразу понял, что его покровители уже двинулись по коридору, но, заметив, что он отстал, обернулись.

– Засматриваешься? – усмехнулся Серов, вернувшись к Виноградову и тоже поглядывая в зеркало.

– Интересные узоры, – пояснил Николай, осматривая работу некоего мастера, который так изящно выжег на дереве свою фантазию и в которую вскоре пристроили зеркало.

– Мой супруг привез его из Болгарии, после войны, – пояснила Шестакова, также раз-вернувшись к гостям, – он любит баловать меня подарками.

– Как Макар Игнатьевич поживает? – тут же ухватился за тему Петр Платонович.

– Как обычно, в очередном отъезде, служба ему ещё не в тягость.

Понимая, что дальше рассматривать зеркало и задерживать хозяйку будет неприлично, Николай повернулся к Марине Борисовне, давая понять, что он готов двинуться дальше.

Внутри дом Шестаковых не был таким роскошным, как особняк Серова, но уюта ему было не занимать. В коридорах царила тишина, нарушаемая только скрипом пола, по которому шла Марина Борисовна и её гости, а так же стуком ее обуви. Николай, по привычке, принялся осматривать дом, пытаясь запомнить расположения комнат, на тот случай если он действительно будет здесь жить.

Коридоры дома были узкими, как, впрочем, в большинстве домов в Москве. Дом был большой, но Виноградов не сомневался, что ранее здесь жила большая семья, иначе зачем было необходимо покупать такие хоромы, если в них никто не живет. Впрочем, учитывая, что Шестакова упоминала только мужа, возможно, они рассчитывали на большое количество детей, но этому не суждено было случиться. Видимо поэтому Марина Борисовна в отсутствие мужа сдавала комнаты, чтобы хоть как-то содержать такую домину и при этом прокормить себя.

– Ваш супруг военный? – спросил Николай, заглядывая в открытую дверь одной из комнат, которой оказалась небольшая каморка для домашней утвари.

– Полковник, все никак в отставку не соберется, лучше бы дома так скакал, как на своем коне, – причитала Марина Борисовна, – впрочем, грех жаловаться, когда он приезжает, то в доме праздник.

Они вошли в гостиную. Комната была очень широкой и здесь сразу чувствовалась рука военного. Мощные и мягкие кресла стояли между таким же ситцевым диваном, перед которым расположился резной столик. На нем стоял пузатый самовар с несколькими чашками для гостей. Николай сомневался, что Шестакова пьет здесь чай в одиночку, разве только зазывает соседей в отсутствие супруга.

Сев и утонув в мягком кресле, Виноградов обнаружил подле локтя подставку, на которой занял свое место портсигар и пепельница. Видимо это кресло занимал хозяин дома, когда не бывал в отъездах.

– Скажите, Николай Викторович, – начала Шестакова, разливая чай по чашкам, – как долго вы намерены задержаться в Москве?

– Я здесь живу уже несколько лет, – улыбнулся Николай, принимая ароматный напиток и делая глоток, а после закусывая его свежей баранкой.

Марина Борисовна взглянула на Серова, и тот кивнул, продолжая улыбаться. Видимо, предыдущие наниматели от Петра Платоновича долго не задерживались и часто съезжали от Шестаковой, скорее всего, за пределы города.

– Рада слышать, что хотя бы вы не съедете, как только решите свои дела.

– Николай Викторович – мой будущий ученик, Марина Борисовна, я уверен, что ему необходимо жилье поближе к его работе, вполне возможно, что в будущем он снимет у вас и кабинет, как только войдет в работу.

Николай чуть не покраснел от таких эпитетов Серова. Он и сам уже был рад, что согласился на предложение поверенного. Ему уже не терпелось приступить к работе, но сначала

действительно требовалось утрясти формальные вопросы, прежде чем он окончательно окунется в работу поверенного.

– Это замечательно, а то предыдущие ваши... – домовладелица сделала паузу и слегка пожевала щеку, видимо подбирая подходящее слово, – товарищи...надолго у меня не задерживались, и ладно бы их было побольше, так вы водите ко мне их по одному, а после остальных нанимателей мне приходилось искать самостоятельно.

– У вас более никто не живет?

– Как же, – рассмеялась залихватистым смехом женщина, – парочку постояльцев имеются, но можете не переживать Николай Викторович, они вас не стеснят, уж я об этом позабочусь.

Ещё некоторое время они продолжали пить чай, временно сменив тему разговора. Серов рассказал о своих последних делах, Николай пояснил откуда, он и чем занимался до того, как, пришел к Серову, а сама Шестакова пояснила, что после того как она вышла замуж за своего мужа, тогда ещё молодого лейтенанта, они купили этот дом. Из-за постоянных отлучек Макара Игнатьевича с семьей у Марины Борисовны было туго. Её родственники наотрез отказывались переезжать в пыльную Москву из свежего Петербурга, и только изредка к ней заскакивали её сестры. Сам Макар Игнатьевич, дабы супруга не грустила, предложил ей пускать в дом жильцов, и, как оказалось, у Марины Борисовны весьма неплохо была развита управленческая жилка, учитывая, что, помимо поиска нанимателей, она ещё умудрялась ухаживать за домом.

– Вот и отлично, – произнес Серов, подводя черту под их беседой, – Марина Борисовна, я вынужден откланяться – дела ждут. Позаботьтесь, пожалуйста, о Николае.

Шестакова встала, готовая проводить поверенного, и они двинулись к выходу.

– Николай Викторович, прошу меня тоже не подводить перед хозяйкой, как осмотришь комнату и решишь все свои вопросы, жду у себя.

– Конечно, Петр Платонович, большое спасибо! – искренне поблагодарил поверенного Виноградов.

Дом ему начинал нравиться, и даже захотелось познакомиться с остальными постояльцами, но, по словам домовладелицы, почти все её наниматели приходили поздно вечером и уходили рано утром. Приезжие торговцы, дельцы и прочие вселялись на первом этаже дома, именно их комнаты стояли закрытыми. Для более перспективных постояльцев Шестакова представляла второй этаж, куда она и повела Николая после того, как выпроводила Серова.

– Соседствовать будете с доктором Михаилом Владиславовичем Луговым, – пояснила Шестакова, указав на закрытую дверь прямо рядом с лестницей. На двери неровно была прибита маленькая табличка «Др. Луговой М.В.», – он человек молчаливый и весьма неприхотливый, поэтому мороки много не доставит.

Они прошли мимо ещё одного прохода, который вел в кабинет. Николай понял это по шикарному столу, который он заметил внутри. Также мельком он заприметил несколько кресел и стульев, прежде чем они подошли к ещё одной закрытой двери. На этот раз Шестакова достала связку ключей и, бренча ими, принялась выискивать нужный.

Замок щелкнул, и домовладелица толкнула дверь, пропуская внутрь комнаты Виноградова и заходя следом.

– Я надеюсь, что вам здесь понравится, – хмыкнула она, видимо не веря, в очередного постояльца Серова.

«Если она их так не любит, почему позволяет им оставаться? Благодарность за помощь?» – пронеслось в голове у Виноградова, прежде чем он начал оглядывать комнату, которую представила ему Шестакова.

На удивление Николая, место представляло собой вполне уютную комнатку с одной кроватью, стоящей в углу прямо перед окном, но таким образом, что утреннее солнце не попадало на спящего. Прямо под окном стоял увядающий цветочек в горшочке, прикрытый ситцевой шторкой. В другом углу прижавшись к стене, грустно доживала свой век древняя потертая

тахта, которая, впрочем, ещё могла сослужить свою службу. В остальном комната мало отличалась от той, в которой жил на данный момент Виноградов, разве что шкафы были пусты, тогда как его забиты под завязку книгами.

– Уютно, – выдал свое удовольствие Николай, ещё раз оглядевшись и кивнув самому себе.

– Соглашайтесь, Николай Викторович, – начала по-хозяйски уговаривать Шестакова, – лучше не найдете, а уж по дружбе Петру Платоновичу, я цену снижу.

Растянутая улыбка домовладелицы говорила о том, что, несмотря на свое неудовольствие в отношении постояльцев от Серова, она не собиралась пренебрегать его дружбой и упускать ещё одного нанимателя, пусть даже за полцены.

– Хорошо, – наконец-то согласился Николай, взвесив все и окончательно поняв, что это ещё один шаг на его пути к званию поверенного, – мне понадобится время, чтобы перевезти вещи, думаю, на днях я смогу въехать.

– Вы не пожалеете, Николай Викторович, – залепетала Марина Борисовна, – комнату я приберу, а со временем вы сможете снять и кабинет... когда начнете свою собственную практику.

Виноградов растерянно взглянул за спину Шестаковой, вспоминая, что помимо него здесь есть и другие постояльцы, которым также возможно, нужен будет кабинет.

– А что насчет доктора Лугового?

– Ааа, Михаил Владиславович имеет контору в городе, ему проще принимать больных там, – пояснила Шестакова невозмутимым голосом, – к тому же, как врач он понимает, что его клиенты могут помешать другим постояльцам.

– А мои не мешают?

Марина Борисовна развернулась к двери и двинулась в коридор, попутно продолжая отвечать на вопросы Виноградова и трясти пальцем за спину.

– Ваши не будут кашлять, – рассмеялась она, – и если они будут спокойными, то я не возражаю, и кстати, – он остановилась возле того самого кабинета, – вас это тоже касается, голубчик. Я люблю тишину, поэтому будьте добры...

– Ну, разумеется, – кивнул Николай, прекрасно понимая, о чем говорит домовладелица. Его предыдущий хозяин комнаты ставил точно такие же условия. В первую очередь, шумные постояльцы портили репутацию самих домовладельцев и снижали уровень жилья. После того, как проблемные жильцы съезжали, хозяину было весьма трудно найти новых, поскольку слухи от соседей разлетались с невероятной скоростью.

Переезд не занял много времени. Гораздо тяжелее Николаю было сообщить старому домовладелице, что он покидает его. Ему было жаль уезжать с Грибной, но Серов был прав, дом Шестаковых был ближе к центру и имел более выгодное положение для человека его профессии. После тяжелых уговоров и скрепя сердце, Виноградов наконец-то смог распрощаться со своим старым жильем и расплатившись с домовладельцем, двинулся в свою новую комнату у Марины Борисовны Шестаковой.

Увидев, что он сдержал свое слово, хозяйка чуть от радости не прыгнула. Она приготовила комнату, убрав пыль и избавившись от вещей предыдущего жильца, который не стал забирать их после отъезда.

Кровать была застелена свежим бельем, а старую тахту перетянули белоснежным покрывалом, чтобы скрыть следы ветхости.

– По утрам я своим постояльцам, если они того желают, также готовлю завтрак, – вновь взяла за пояснения Шестакова, – но прошу, я не ваша экономка, и, если мне что-то не понравится...

Виноградов уже смирился с чертой Марины Борисовны не договаривать очевидные вещи, поэтому он лишь кивнул. Он и не собирался пренебрегать гостеприимством Шестаковой, его вполне устраивали эти простые и ясные правила, которые он обязался исполнить при проживании на новом месте.

– Оплата в конце месяца, – наконец-то подошла к самому главному Шестакова, – вы же, я надеюсь, сможете оплатить вперед?

– Разумеется.

Николай был готов к такому и приберег специально для оплаты первого месяца необходимую сумму. Его кошелек знатно опустел с того момента, как он ушел из суда, пусть он неплохо умел обращаться со своими средствами, он все же позволил себе пошиковать последние две недели. Впредь он решил вернуться к тщательному планированию, по крайней мере, пока он плотно не встанет на ноги и не сможет позволить себе чуть больше обычного.

Спустя какое-то время Виноградов смог познакомиться и с остальными постояльцами дома Шестаковых. На первом этаже проживал кожевник Яков Попов, который, как и говорила Марина Борисовна, вставал с первыми петухами и уходил в свою мастерскую. Этим жильцом Шестакова очень дорожила. Невысокий, коренастый конопатый парень был на все руки мастер и не отказывал хозяйке, когда требовалось что-то починить, за это домовладелица изредка позволяла ему хранить на чердаке кое-какие вещи, видимо для изготовления обуви, потому что этим Яков промышлял в свободное время.

Вторым постояльцем был торговец Сигизмунд Башт, прибывший в Москву из Риги и экономивший на всем, чем можно, в том числе и на жилье. Шестакова его не любила, но как настоящая женщина с деловой хваткой не могла выгнать своего постояльца, к тому же он хорошо платил и делал это вовремя. Башт был высоким, худым немцем, державшим несколько лавок на торговом ряду, и, как выяснил Виноградов, торговал в основном мясом.

Инженер Валерий Маслов занимал самую крайнюю комнату возле окна. В отличие от остальных, он был весьма известным человеком, а именно младшим сыном механика Сергея Маслова – владельца небольшой конторы «Масловы и сыновья», специализирующихся на деталях для различной техники. Какой? Маслов отказывался говорить наотрез, прикрываясь семейным секретом.

Виноградов получил письмо от родителей и с волнением принялся жадно вчитываться в аккуратный почерк отца. Чем дальше он читал, тем больше понимал, что письмо они писали вместе с матерью.

«Николай!

Твое решение застало нас врасплох и очень жаль, что ты не пожелал посоветоваться с нами перед тем, как покидать судебные покои. Мать сильно взволновалась твоим решением и даже порывалась приехать в Москву, но я отговорил её. Однако мы принимаем твое решение и готовы с ним смириться. Нас успокаивает то, что ты его принял сам, наконец-то определившись в своем пути. Лишь об одном тебя просим – не сбейся с той дороги, которую ты выбрал, и не беги от ответственности. Надеемся увидеть тебя в ближайшее время и лично услышать о том, как ты пришел к этому нелегкому решению.

Твои любящие родители!

P.S. будь осторожен в ученичестве у Серова. Он известный поверенный, но за все время ни один ученик у него не прижился. Постарайся не лезть на рожон пока ты у него.

Письмо грело его душу, и Николай перечитывал его вновь и вновь, пока не заучил наизусть. Часть поддержки явно писала мать, а строгое напутствие досталось от отца. Он не сомневался, что по приезду в имение его ждет ещё один разговор, но одно согласие родителей

в правильности его решения уже придавало ему сил. Даже предостерегающие слова о Серове в конце сообщения не могли смутить его. Казалось, что он был готов к любым передрыгам.

В целом, жизнь в доме Шестаковых была спокойной и шла своим чередом. Николай готовился стать учеником Серова и ожидал, что теперь, когда он наконец-то выбрал свой жизненный путь, его спящая внутри совет, наконец, уймется и даст двигаться вперед.

Глава 6

Став учеником Серова, Николай как будто попал в новый мир. Петр Платонович фактически выделил ему свой кабинет на первом этаже, куда Виноградов ходил как на работу. Поверенный позволил своему ученику работать за своим столом с бумагами, когда он отсутствовал, а также дал доступ к своей библиотеке, которая была действительно огромной. Николай был уверен, что прочитать все эти книги невозможно, однако сам Серов утверждал, что прочитал большую часть, в остальном же книги касались работы поверенного и очень помогали в делах, которые вел Петр Платонович.

В те дни, когда Серов работал с клиентами, Николай присутствовал в кабинете, слушая, как его учитель обсуждает с клиентами то или иное дело. Кто бы ни приходил к Серову, он всегда старался показать себя как радушный хозяин, приглашая в свой кабинет и угощая клиента чаем, независимо от его статуса и положения. Поверенный очень чутко работал с каждым, старался узнавать все детали дела и постоянно срывался с места, как только клиент уходил. Как позже выяснил Виноградов, Серов отправлялся на места преступлений, дабы лично осмотреть все, что казалось ему подозрительным или поискать доказательства, которые могли упустить сыщики.

– Но разве это разрешено? – удивился Виноградов, когда в один день Серов взял его с собой.

– Запомни, Николай, это твоя законная инициатива, – ответил поверенный фразой, которую Виноградов запомнил на всю жизнь, – конечно, это возможно делать только после того, как место преступления осмотрят сыщики.

Как чуть позже выяснил Николай, Серов немного лукавил. Изредка поверенный мог осматривать место преступления и в присутствии властей, но то объяснялось определенными связями поверенного. Конечно, все это делалось в присутствии полицмейстеров и сыщиков. Пару раз, Виноградов даже видел, как его учитель спокойно обсуждает детали дела с очередным своим знакомым из уголовного сыска, словно они не были по разные стороны баррикад.

– Есть определенные правила, но, думаю, ты и так их знаешь, – пояснял Серов, когда у них выдавались более спокойные дни и они работали в одиночестве в доме у поверенного. – В первую очередь, не скрывать доказательства, которые ты нашел, это только усугубит положение твоего подзащитного, да и приведет к тому, что с большой долей вероятности ты погубишь все дело, своего клиента и себя в том числе.

Это Николай и сам понимал. Он также понял, что, даже если бы хотелось, попасть на место преступления раньше полицмейстеров редко когда возможно. По словам Серова, это возможно, если клиент прибегает к поверенному сразу же после обнаружения или, что чаще, совершения преступления.

– Ни в коем случае не беги сломя голову, чтобы искать доказательства, – покуривая трубку и читая газету, назидательно пояснял Петр Платонович, – к тому же, это преступление, можешь пойти следом за своим клиентом.

– Даже если сами просят?

– Особенно в этом случае. Они сами не понимают, что порой творят, после увиденного или сделанного.

Николай старался вникать во все, что ему говорит Петр Платонович. Большую часть времени он, конечно, занимался привычными ему делами: готовил почту, составлял документы и разносил их по клиентам Серова, когда сам поверенный не мог этого сделать. Правда, как заметил Виноградов, став помощником Петра Платоновича, он также стал и фактически его почтальоном.

Изредка ему поручалось составить и поработать над речами. Это было одно из самых любимых занятий Николая, где он старался как ни в себя. Тут он проявлял всю фантазию, которую только мог, разумеется, в разумных пределах и в рамках дела, которое ему позволялось исследовать. Серов пояснял, что судебные речи – это не вся работа поверенного, а лишь малая.

– Речь, это фактически итог, финальный рывок и точка в деле, Николай, не позволяй пылким словам затмить твой разум, особенно если эти слова тебе же и принадлежат, – устало сказал Серов, когда проверял очередную работу своего ученика, – твоя речь должна затронуть зал и судей.

После того, как Николай заканчивал работу над речами для своего учителя, тот быстро проверял их и либо утверждал, либо качал головой, возвращая назад своему ученику порой с едким замечанием о том, что Николай так и не смог понять дело целиком.

На новом месте Николай не чувствовал ту скуку, которая часто приходила к нему на прошлом его поприще. Кабинет Серова олицетворял знания, тягу к справедливости и следованию закону. Сам Виноградов часто думал, будет ли у него такое же рабочее место, когда он отправится в самостоятельное плавание.

Изредка, конечно, ему приходилось скучать и у Серова, когда ему доставались скучные бумажки, похожие как две капли воды. Однако учитель Николая всегда мог скрасить скуку интересной лекцией, отвечая на очередной вопрос своего протеже или описывая очередное интересное дело, которое Серову приходилось вести.

Петр Платонович сразу дал понять, что в их деле люди не делятся на виновных и невиновных.

– Важно то, как к этому относится поверенный, – сказал ему как-то Серов, – твое отношение к человеку должно быть именно таким, каким он хочет его видеть, а он хочет, чтобы ему верили.

– Но, если он виновен, что делать в этом случае? – поинтересовался Виноградов. Вопрос был для него важен, поскольку это была причина, которая заставляла часто его задумываться о том, каким защитником он будет.

– Виновность – это весьма абстрактное понятие, важно чтобы ты понял, Николай, что виновный человек также нуждается в защите.

Несмотря на слова Серова и его отношения к клиентам, Виноградов замечал, что порой его учитель переступает через себя, чтобы дать совет человеку, который ему неприятен. Это было заметно по поведению и глазам Серова. Как только он понимал, что клиент ему неприятен, он растягивал улыбку так, что, казалось, она, доходила ему до ушей, при этом он морщил нос и покусывал губы, как будто сдерживаясь, чтобы не потерять самообладание и не выдать своего истинного отношения к делу. При этом поверенный никак не подтверждал предположений Николая, а сам Виноградов не собирался говорить свои подозрения в лоб человеку, который обещал вывести его в поверенные.

Помимо уголовных дел, Серов также часто брал и дела гражданские, представляя истца или ответчика в очередном споре. Таких процессов было большинство и, хотя многие из них могли не отличаться деталями, менялись лишь лица, Николай и здесь находил интерес, который, порой, был загадочнее, чем какое-нибудь преступление.

Спустя четыре месяца работы Николай уже хорошо разбирался в делах и документах, которые поступали ему на стол. Он понимал, что необходимо оставлять в качестве доказатель-

ства, а что отправлять в суд или другим лицам. Серов доверял ему некоторую личную почту, которая, в принципе, не содержала в себе чего-то сверхъестественного, разбор бумаг, а также изредка позволял от своего имени проводить консультации.

Сам поверенный не лгал, когда говорил, что будет щедро платить Николаю. Первый месяц после поступления в помощники Виноградов, фактически, сэкономил оставшиеся после переезда средства. Частенько его угощал Степнов, но сам он уже не мог шиковать. Однако, через полтора месяца он получил первый аванс от своего учителя и уже мог не прибедняться, спокойно рассчитывая средства и даже откладывая на черный день.

Помимо денег, Николай также приобретал и ценнейший опыт работы, который, как он думал, делает его настоящим поверенным. Понять, насколько он ценен для Серова, Виноградов не мог, ведь кроме слов о том, что у него есть потенциал и будущее, Петр Платонович больше никак не выделял своего ученика, предпочитая критику похвале, впрочем, сам Николай не возражал.

Однажды, сидя на кресле возле окна в кабинете у поверенного и читая книгу по доказательствам, Николай услышал скрип позади. Захлопнув плотный томик, он обернулся, встретившись взглядом с Петром Платоновичем, который, судя по внешнему виду, спешил и был очень усталым. Такое бывало нередко, и обычно они вместе рассаживались за стол, чтобы разобраться в том, что вызывало у Серова затруднение. Как говорил Петр Платонович: «Свежий взгляд никогда не повредит». Конечно, он и сам мог все сделать, но продолжал учить Николая.

Однако в этот раз все изменилось. Серов прошел в кабинет и сел за свой стол как ни в чем не бывало. Перед ним тут же возникла стопка бумаг, которые Николай видел впервые, но гербовые печати и знаки говорили о том, что это было чье-то завещание, и вскоре Петр Платонович подтвердил его догадку.

– Николай, дел сегодня невпроворот, – шумно выдохнул Серов, наливая себе из графина воду и делая мощный глоток, осушая весь стакан, – предстоит многое сделать, вот тебе поручение.

Виноградов тут же отправил книгу на полку и быстрым шагом пересек кабинет, присел напротив наставника. Тот, не обратив внимания на горящие глаза своего протеже, спрятал бумаги в папку и протянул их Николаю, а сам достал новую стопку.

– Тебе надлежит сходить к Ланской Вере Карловне, – начал Серов, даже не поднимая взгляд и продолжая копаться в документах, – я давно готовил по её просьбе завещание, которое она очень щепетильно составляла.

Виноградов удивленно взглянул на папку. Обычно завещание было весьма тайным и личным документом, которое человек доверял лишь своему поверенному, коим в данном случае и был Серов. Кроме того, Николая удивила и фамилия.

Ланская Вера Карловна была весьма известной дамой в определенных кругах. Будучи купчихой III гильдии, она обладала грозной репутацией и коммерческой жилкой. После смерти мужа, который фактически разорил семью, она сама взялась за работу и прямо сейчас была в шаге от того, чтобы подать заявление на переход во II гильдию. На торговых рядах её знали многие, даже более крупные купцы были готовы заключать с ней сделки, увеличивая её доход в разы. Впрочем, по слухам, уже старушка Ланская была осторожной, как лиса, и не торопилась, когда дело касалось репутации её семьи.

– Петр Платонович, разве я могу...? – немного смущенно спросил Николай. Он вообще не должен был видеть этих бумаг, а все работы по ним вел Серов, – я не думаю, что мне....

– В этот раз думать тебе не нужно, – немного раздраженно ответил поверенный и наконец-то поднял глаза, – отнесешь бумаги, Вера Карловна их подпишет и все. Рассчитываю, что ты не станешь открывать папку.

– Любопытство не порок, Петр Платонович, – попытался отшутиться Виноградов.

– А большое свинство, – вторил ему Серов, – не заставляй меня усомниться в твоей праведности, Николай.

– Но если Вера Карловна спросит...

– Она знает, что ты будешь вместо меня, я убедил её, что если она хочет бумаги сегодня, то их принесешь ты.

– Почему не подождать до завтра?

Петр Платонович развел руками:

– Причуды богатых людей, – пробурчал недовольно Серов недовольный, то ли вопросами Николая, то ли от требований Ланской.

Николай поднялся, забирая папку. Ему так и хотелось заглянуть внутрь, чтобы увидеть, кому в итоге завещала свое богатство старуха Ланская. Впрочем он быстро сдержался, стараясь не падать в глазах учителя.

– Петр Платонович, если у Веры Карловны возникнут вопросы по этим документам.

Серов потер переносицу и достал трубку, видимо, окончательно утомившись.

– Вообще не должно, – задумчиво протянул он, вычищая чашу трубки, чтобы наполнить её свежим табаком, – но, если возникнет, позволяю дать ответ, если она того пожелает. Только убедись в том, что она не против доверить тебе тайну завещания.

– А что если...

– Сомнения, Николай, сомнения, – покачал головой поверенный. – Уверен, что ты неплохо изучил все необходимые законы, чтобы дать исчерпывающие ответы на *возможные*, – он выделил это слово, а после уже спокойно закончил, – вопросы Веры Карловны.

Николай вздохнул. Он вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, который просит, чтобы взрослый пошел с ним по торговому ряду и объяснил, что ему требуется. Ранее он не вызывал таких сомнений в требованиях Серова, но и никогда не получал таких деликатных дел.

– Знаешь, – вдруг произнес Петр Платонович, высекая искры из спички и поджигая трубку, наполняя кабинет не очень приятным ароматом, – думаю, что после этого можешь сразу идти домой.

– Домой?

– Да... на пару дней, – добавил Серов, – мне срочно требуется уехать, поэтому какое-то время можешь отдохнуть. Я пришлю письмо, как вернусь.

– Н-но, что я буду делать?

– Отдохни, съезди к родителям, уверен, они скучают по тебе, – улыбнулся Серов, – в конце концов, когда ты станешь поверенным, таких радостей у тебя не будет.

Виноградов удивлённо взглянул на учителя. Тот всем видом показывал, что никакого подвоха нет. Свет мелким бликом отражался от золотого значка косы на пиджаке Серова, который тот вечно носил, на деревянную дверь позади Николая, как бы показывая, куда ему следует идти.

– Хорошо, Петр Платонович, – наконец-то сдался Виноградов. В душе он был рад неожиданной возможности отдохнуть, но все же Серов не предупреждал, что уедет, а значит, не до конца доверял своему ученику.

«Или ты просто выдумываешь, Николай», – сам себе в голове сказал Виноградов, накидывая теплое пальто.

– Не потеряй бумаги, Вера Карловна нас по головке не погладит за это, – рассмеялся Серов, окончательно сбрасывая усталость и возвращаясь к прежнему добродушному настроению.

Луиза, все также краснея, проводила Николая до двери. Когда Виноградов стал учеником, экономка частенько проходила мимо кабинета, приносила завтраки и бросала томные взгляды на помощника поверенного. Николай и рад был бы ответить на восторженные взгляды Луизы, но сам Серов дал понять ему, что такого поведения он не приемлет, поэтому бедной

девушке оставалось довольствоваться малым. К тому же, Виноградов не хотел разбивать сердце Луизы в случае, если обстоятельства привели бы к этому, а это обязательно бы случилось.

Выйдя из дома поверенного, Николай взглянул на часы. Времени у него было предостаточно, однако не следовало заставлять купчиху ждать. Если слухи, ходившие о ней, были верны, старуху злить не стоило.

Дом Ланских находился на одной из улиц Москвы, в которой четко проглядывался старый дух Первопрестольной. Старая столица империи росла буквально на глазах, строилась, перестраивалась, шла медленная электрификация, а на дорогах прокладывались рельсы трамваев. Здесь же Николай мог увидеть деревянные строения, больше походившие на терема, каждый из резного дерева. Богатство их владельцев трудно было оценить, однако, как показалось Виноградову, чем выше дом, тем зажиточнее был его хозяин. Впрочем, как бы местные жители не желали сохранить дух той России, постепенно прогресс подступал и сюда. Чуть дальше по улице можно было увидеть высокие доходные дома, которые были значительно выше теремов купцов.

Ланские жили не в самом высоком, всего в два этажа, огороженным забором из стальных прутьев, с цветочными узорами. Такое не каждый мог себе позволить, но по слухам, когда заправлять богатством семьи Ланских стала Вера Карловна, не только торговля пошла в гору, но и дом значительно разросся и был приведен в порядок, после нескольких лет упадка. Сам Николай никогда не видел, как жила семья Ланских, он лишь слышал о них наряду с другими известными купеческими фамилиями.

Конечно, в отличие от Серова, Вера Карловна явна была богаче и могла позволить себе целый дом слуг. Николай оказался прав, возле ворот его уже встречал дворовой, который заприметив Виноградова и дождавшись пока тот гулко постучится в деревянные створки, моментально приоткрыл небольшое оконце и показал своё усатое лицо.

– Да, да, чем могу помочь? – его натужная вежливость легко различалась за слегка раздраженным тоном, ему явно не нравилась его работа, а, может быть, он не ждал гостей.

– Николай Викторович Виноградов, – представился Николай, – я помощник поверенного Серова, прибыл к Вере Карловне, передать кое-какие документы.

– Хмм, – окошко закрылось и дворовой щелкнул засов, открывая широкие ворота, – пожалуй, я мог бы...

– Боюсь, не могли, – покачал головой Виноградов, моментально разгадав дальнейшее предложение слуги, – Петр Платонович просил передать документы лично в руки, и сама Вера Карловна бы не обрадовалась, что её бумаги попали в третьи руки.

– В третьи руки? – щеки дворового побагровели, показывая, что он оскорблен, – я работаю на семью Ланских уже не первый год и меня ещё никто не... называл третьими руками.

Николай понял, что пропускать его почему-то не желают, однако сдаваться он не собирался. Видимо, дворовой так пытался поднять свою значимость, а может быть ему было дано указание не пускать незнакомых.

– Можете оскорбляться сколько угодно, многоуважаемый, – примирительным тоном произнес Николай, поправляя папку подмышкой, – у вас есть ваша работа, а у меня моя. Если я не выполню точный наказ Петра Платоновича, как вы думаете, сколько пройдет времени, прежде чем Вера Карловна попросит своего поверенного избавиться от меня?

Дворовой покусал свой пышный ус, явно оценивая слова Виноградова. Наконец-то он что-то пробурчал себе под нос и сказал:

– Я справлюсь о вас, – хмыкнул, прежде чем вновь закрыть ворота перед Николаем.

Виноградову пришлось подождать, пока самовлюблённый слуга сходит в дом и узнает о его приходе. Николай сомневался, что Ланская обрадуется тому, что дворовой не пускает человека, который принес её завещание, но это были уже проблемы самого слуги, раз он решился раздражать купчиху.

Через несколько минут послышались шаги, и ворота вновь отворились.

– Вера Карловна вас ожидает, – уже полуофициальным тоном произнес дворовой, подняв взор к небу, чтобы не встречаться взглядом с Николаем.

Виноградов хмыкнул, он ведь предупреждал, не было смысла вести себя так самоуверенно. Впрочем, понять дворового он также мог, видимо, ему приходилось отправить восвояси немало непрошенных гостей, а уж про тех, кто пытается ночью проникать в дома зажиточных граждан, Николай молчал. Работая в суде, он ни единожды знакомился с делами воров, которые вламывались в дома, чтобы пожить чем-то весомым, и такие слуги, как дворовой Ланской, были незаменимы.

Двор был небольшой, и дорожка, по которой его вел дворовой, практически сразу упиралась в дом. Двухэтажное, из резного дерева жилище Ланской вполне подходило для купца II гильдии.

После того, как дворовой довел его к входу внутрь, тут же вышел старый лакей, который уже без слов завел его в дом.

Внутри было темновато, и глаза не сразу привыкли к отсутствию света в довольно широких коридорах. Ланские жили не так, как Серов, который любил более утонченные комнаты, и не так как Шестакова.

Этот терем больше походил на музей. Практически в каждой комнате висели картины с изображенными мужчинами и женщинами. По железным бляшкам можно было понять, что это прежние члены семейства Ланских, что жили несколько десятков лет назад. Целая купеческая династия. Николай с восторгом разглядывал дом, пока лакей вел его дальше.

Его мнение оказалось ошибочным, а первое впечатление обманчиво. Чем дальше вел его слуга, тем светлее становилось перед глазами, а вскоре они прибыли в огромную гостиную, где за столом уже сидели две дамы.

Бодрого вида старушка с белыми, как снег, волосами, как понял Николай, и была Вера Карловна Ланская. На ней было старомодное платье, а шею покрывал теплый махровый платок, будто купчиха пыталась согреться, хотя в комнате и без того было душно. Лоб уже давно испещрили морщины, но руки, которые держали чашку с чаем, были тверды. Несмотря на кажущуюся дряблость, в глазах купчихи отчетливо виднелся огонек уверенности.

Рядом с ней скромно расположилась молодая, лет девятнадцати, девушка. Её огненно-рыжая копна волос свисала до плеч. Белое платье с черным передником придавала ей необычайный вид, а глаза цвета зеленого поля... ох, что это были за глаза, раз взглянув в них Николаю показалось, что он готов утонуть в них и никогда не всплывать.

Как только его объявили, присутствующие в гостиной дамы тут же подняли на него взор. Виноградов едва смог отвести взгляд от сидящей рядом с Верой Карловной девушки, но все же сделал это, понимая, что неприлично вот так просто разглядывать её.

– Вера Карловна, – кивнул Николай, – Николай Викторович Виноградов, Петр Платонович должен был предупредить вас обо мне.

– Предупреждал, как же, – кряхтя, произнесла купчиха, поднимаясь с дивана, отставляя чашку, – но не предупреждал о том, что его ученик столь галантен.

Если это была претензия, то Николай её не понял, он все пытался посмотреть краем глаза на рыжеволосую девушку. Она лишь с интересом разглядывала гостя, но не встала вслед за Верой Карловной.

– Присаживайтесь, Николай Викторович, будьте любезны, – неожиданно скрипучий голос Ланской стал столь любезным, что Виноградов даже удивился, – моя падчерица Вар-

вара, – старушка указала морщинистой рукой на девушку рядом, и та наконец-то окончательно подняла свои глаза на Николая так, что их взгляды встретились.

Варвара пристально осмотрела Николая, но никакого интереса не проявила, лишь только сказала «здравствуйте» своим нежным, но твердым голосом.

Виноградов присел на краешек дивана и принялся доставать документы из папки, при этом он то и дело пытался посмотреть на Варю, что также продолжала сидеть рядом с мачехой, не пытаясь шелохнуться.

– Петр Платонович, надеюсь, предупредил вас, что-то, что указано в этих документах не имеет к вам никакого отношения? – вкрадчиво спросила купчиха, вглядываясь в бумаги. Документы она повернула так, чтобы Николай вообще не мог различить, что было занесено в завешание. Впрочем, какой бы интерес не испытывал Виноградов к тому, что было в документах, интерес поблек по сравнению с Варварой, которая занимала теперь все мысли Николая.

– Что ж, вроде бы документы в порядке, – проворчала Ланская, складывая бумаги в папку, – хотя я ясно выразила свое недовольство Петру Платоновичу, но вижу, что вы честный юноша.

Старческое брюзжание Веры Карловны прервалось, когда она взглянула на свою падчерицу.

– Варюш, принеси нашему гостю тех сладостей, следует отблагодарить его за честность.

– Да, маменька, – здесь уже девушка зарделась и, поднявшись с дивана, ушла в соседнюю комнату, пока сам Николай смотрел ей вслед, чувствуя, как учащается биение его сердца.

Пока они ждали, Вера Карловна встала и двинулась к старинным часам, что висели на стене. Они представляли собой старый деревянный домик с искусно вырезанным балконом. Судя по всему, дверцы балкона должны были открываться в момент битья маятника, и «жилец» домика выходил на балкон. Сам маятник стоял на месте, что говорило о том, что часы либо были сломаны, либо не заведены. Механизм часов был внутри небольшой дверцы, который открывался ключом. Николай довольно подробно рассмотрел это произведение искусства. Такие часы стоили весьма не дешево, и Виноградов не удивился бы, если данные часы сделали на заказ.

Ланская подошла к «домику» и щелкнула ключом, открывая внутреннюю дверцу. Послышался странный шелест, щелчок – и вот Вера Карловна уже шла назад без папки, которая исчезла внутри часов. Несмотря на манипуляции, стук стрелок не появился, а значит, старушка не считала нужным их заводить или попросту не могла это сделать.

– Люди моего возраста должны думать о будущем, – кряхтя, произнесла Вера Карловна, усаживаясь обратно на диван.

– Несомненно, Вера Карловна, – кивнул Николай, – я многое слышал о вас, и для меня честь познакомиться с вами лично, – любезно ответил Виноградов.

– Не лебези, я это не люблю, – отмахнулась Ланская, но тут же смягчилась, – я не такая старая карга, какой меня все представляют, Николаш.

Виноградов вздрогнул, так его обычно называли только члены семьи.

– Я не сразу поняла, но, приглядевшись, осознала, – продолжала купчиха, – Виноградовы, твой отец получил в наследство хорошие владения.

– Вы с ним знакомы?

– Не лично, но ваш род знают, достойные люди, – кивнула Ланская и неожиданно расплылась в улыбке, – много хороших людей пострадали от отмены крепостничества.

– Но и плохие тоже, – отреагировал Николай. Его семья не считала плохим то, что крепостян освободили, их доходы снизились, но по миру не пошли.

– Я не спорю, – хмыкнула Вера Карловна, – лишь говорю, что некоторые глупцы не пользуются шансом... как мой покойный муженек, разбазарил все, что досталось ему от его отца, а кому пришлось спасать семью? Мне!

Николай услышал в голосе Ланской чувство гордости. Было видно, что она рада тому, что ей пришлось взять все в свои руки и исправить ошибки мужа. То, что слышал Виноградов о Ланских, светлыми слухами назвать было нельзя. Муж Веры Карловны был посредственным купцом, говорили, что он не умел хранить деньги, ввязывался в сомнительные авантюры, которые не приносили семье никакого дохода. В один из таких дней он напился и упал с набережной в Москву. Многие думали, что после его смерти Ланские окончательно разорятся, но Вера Карловна развеяла слухи.

– Я сочувствую вам, – хотел было сказать Николай, но старуха оборвала его.

– Мне не нужно ваше сочувствие, Николай Викторович, – отмахнулась она, – где же эта несносная девчонка! Варька?!

Ответа не последовало, но, видимо, Ланская и не пыталась его услышать. Виноградов не сомневался, что девушка слышала голос своей мачехи, и, видимо, он должен был её потопить.

– Я частая клиентка у Петра Платоновича, и я бы наотрез отказалась бы приходу сюда его помощника.

– Но все же согласились, – заметил Николай и наконец-то откинулась на спинку дивана, – что же поменялось?

– Я стара, юноша, и понимаю, что мой век не долг, – в голосе старушки можно было отчетливо услышать грусть, – мои непутевый сынок Евгений и бедная Варюшка, кто у них останется после меня?

– Варю... Варвару, вы удочерили, я правильно понимаю?

– Бедная девочка, одна в большом городе, если бы не я, её ждал бы желтый билет.

Николай вздрогнул. Не самая лучшая участь, особенно для такой красавицы, как Варвара. Виноградов хотел было узнать больше, но прикусил язык, не желая слыть сплетником.

– Мой муж был против, но я настояла, может быть, поэтому он принялся разорять наше имущество, мне назло, – странно захихикала купчиха.

Дверь скрипнула – и в комнату с подносом вошла Варя. Поставив его на стол, она встретилась взглядом с Николаем. Мужчина одарил ее улыбкой, отчего девушка покраснела и вернулась на диван к мачехе.

– Наконец-то, только за смертью тебе ходить.

Сладости оказались действительно вкусными. По просьбе Веры Карловны, Варвара ухаживала за Николаем, отчего тот даже слегка опешил. Обычно у купцов слуг не меньше, чем у князей, и этот вопрос он решил уточнить.

– Я видел нескольких ваших слуг, но вы не позволяете себе управляющего?

– Маменька достаточно молода, чтобы налить себе чай сама, – вместо мачехи ответила Варя, с вызовом смотря на Николая, будто своим вопросом тот оскорбил её.

– Прошу прощения, Варвара, я не хотел вас обидеть.

– Не принижай молодого поверенного, Варюш, кто знает, что будет дальше, – рассмеялась купчиха. Варя тут же сменила гнев на милость, обворожительно улыбнувшись Николаю.

На удивление, Николай убедился, что слухи о вредности Ланской весьма преувеличены. Она была несколько сварлива, но то лишь от того, что жизнь подкинула ей испытания. Ради своей семьи ей пришлось от многого отказаться, а также взять и усыновить не желанную для мужа девочку.

– Николай Викторович, как давно вы работаете с Петром Платоновичем? – спросила Варвара, сдувая пар с чашки чая и элегантно делая глоток.

– Будет седьмой месяц, – отозвался Виноградов.

– Достоин, главное, чтобы он позволил вам продолжить, – улыбнулась старушка, – хотя я уверена, вы весьма достойный молодой человек.

– Вы знаете меня всего пару часов, – рассмеялся Николай, – может быть, я не такой уж и достойный.

– Время покажет, – устало отозвалась Ланская, было видно, что она слегка утомилась и ей следовало отдохнуть, – скажите мне, Николай, завешание, что может привести к тому, что оно станет недействующим?

– Вы хотите сказать недействительным? – поправил её Николай, Вера Карловна кивнула, явно не стремясь разбираться в юридических терминах, – не посчитайте за оскорбление, в том случае, если вас признают умалишенной или же вы вдруг решите пойти в монахини.

– В общем, то, что мне не грозит, – рассмеялась Ланская, – что ж, полагаю, я выяснила все, что мне необходимо.

– Думаю, что я исполнил все и даже больше, Вера Карловна, – также решил отклониться Николай, – позвольте мне уйти?

– Конечно, Варвара проводит вас, – замахала рукой Ланская, вставая с дивана и уходя в соседнюю комнату, – зайди ко мне потом Варюш.

Девушка, махнув своей рыже-огненной гривой, двинулась вместе с Николаем к выходу. Как оказалось, Варя была подвижной девушкой и, оставшись без присмотра своей мачехи, довольно юрко двигалась по дому, так, что Виноградову даже пришлось прибавить шаг.

– Николай Викторович, как вам наш дом? – подала голос Варвара.

– Дом прекрасен, Варвара, прошу простить меня, я не имею честь знать вашего батюшку.

– Можете обращаться ко мне так же, как и сейчас, – звонко рассмеялась девушка, – мало кто знал моего батюшку.

– Благодарю, Варвара, я надеюсь, не смутил вашу матушку своим присутствием.

– Уверена, она довольна, – покраснела девушка, открывая для Николая дверь, – она не тот монстр, какой её все представляют.

Виноградов не сомневался, что Варя так и будет говорить о той, кто вытащил её из нищеты, дал кров и крышу над головой. К тому же, по словам самой Ланской, она явно ценила свою падчерицу намного больше, чем родного сына. Впрочем, это его мало касалось, ему намного интереснее была сама Варвара. Николай бы соврал, если бы сказал, что девушка ему не понравилась.

– Вы позволите, Варвара, чтобы я написал вам?

Девушка обворожительно улыбнулась, и на её щеках выступил румянец.

– Если это не обременит вас, – отозвалась она, было непонятно, приглянулся ли ей Николай, но он надеялся, что это не простая вежливость.

Николай ответил также, улыбнувшись девушке. Он едва сдерживал себя, чтобы не позвать большее, но сумел остановиться и, лишь взяв ручку Вари, нежно коснулся её губами.

– Буду рад снова увидеть вас в будущем.

Уходя из дома Ланских, Николай чувствовал, что не зря прибыл сюда. Он решил, что ещё посетит купчиху, надеясь только, что не заставит её злиться своему приходу. Закончив все дела, он решил, что следует заглянуть к Степнову и рассказать ему о том, что произошло.

– Интересно, значит, ты был у Ланской? – с восхищением переспросил Никита, когда Николай под вечер пришел домой к другу.

– Да, вышло интересное знакомство, – хмыкнул Виноградов, смотря на то, как его друг задумчиво крутит бокалом для коньяка, которым он угостил и Николая, – завешание, значит, и Серов доверил эту тайну тебе.

– Я же его ученик, – развел руками Николай с улыбкой. Ему нравилось думать, что Петр Платонович взял его не просто так, чтобы быть на посылках. Собственно, так и было, поверенный учил его и давал знания, и упрекать его было не в чем.

Когда Николай пришел к Степнову, тот действительно обрадовался. Они давно не сидели как в старые добрые времена, ведь каждый был занят своим делом. Виноградов готовился потихоньку переходить в должность настоящего поверенного, а Степнов шел к мечте быть прокурором. Сам Николай частенько видел друга в суде, и выступал тот отменно.

Придя, в гости к другу, Виноградов завел привычные разговоры о политике, искусстве и литературе. Справились о здоровье близких, а уже после Николай рассказал, что по поручению своего учителя прибыл в дом Ланских, что вызвало небывалый интерес у Степнова.

– Значит, Варвара Ланская запала тебе в сердце?

– Ещё как, – горячо отозвался Николай, – лишь боюсь, что я ее неправильно понял.

– Главное не потеряй возможность, дружище? – хмыкнул Степнов, – ты завидный жених, у тебя все будущее впереди, и, раз ты говоришь, что Ланская тебя признала, она не станет прогонять тебя, если ты однажды придешь к ним в гости.

– Скорее это вежливость, я не знаком с их семьей, но могу сказать, что Ланские не простые купцы, у них больше секретов, чем у кого-либо другого.

– О чем ты? – не понял Николай, и, нахмурившись, наклонился к другу, как бы показывая, что готов слушать.

– Взять хотя бы Варю, – спокойно ответил Степнов, – ты говоришь, что Ланская ее удочерила.

– Ну да, она сама это сказала.

Степнов вновь повертел бокал в руке, как будто размышляя, а потом произнес:

– Первые несколько лет они скрывали этот факт, выяснилось случайно.

– Как?

– А как ты думаешь?

Виноградов задумался. На ум приходило только то, что муж Ланской не сдержался и все рассказал. Он вспомнил слова Веры Карловны о том, что её муж все делал наперекор с того момента, как только она удочерила Варю. Высказав свою версию, Николай получил утвердительный ответ. На удивление, Никита знал очень многое, особенно с того момента, как стал работать в прокуратуре. Он всегда был любознательным.

– Он был не рад, что Варю удочерили.

– Видимо так, причин никто не знает, – пожал плечами Степнов, и, взяв бутылку, налил коньяка в бокал другу, – но меня интересует другой вопрос, ты сказал, что Серов дал тебе выходной?

– Да, – кивнул Николай, – только не говори мне, что это тоже что-то из ряда вон выходящее, – рассмеялся Виноградов.

– Не сам выходной, нет, – покачал головой молодой прокурор, – впрочем, здесь я знаю не больше чем ты. Лучше подумай над тем, чтобы быть осторожным, у Серова частая проблема с учениками.

– Тут ты меня не испугаешь, – рассмеялся Виноградов, – говори, что хочешь, я знаю, что у него было три ученика: Безумов, Стрелков и Башмаков – все они вполне успешно закончили у него обучение.

Степнов хмыкнул, явно показывая, что удивить своего друга он все ещё способен. Отставив бокал на столик, он так же, как минуту назад Николай, сам приблизился к другу:

– Тебе следовало больше обращать внимание на окружающий тебя мир, Николаш, – в словах Степнова уже не было и капли веселья, – твоя информация не полная, ты, видимо, не совсем в курсе, но Безумов – обезумел, а Стрелкова – застрелили на дуэли.

Молодой прокурор вернулся в кресло и снова наполнил бокал. Казалось, что он собирался напиться сегодня, но вместо очередного глотка он лишь спокойно взглянул на друга:

– А Башмаков?

– В Петербурге, – предвкушая вопрос друга, Степнов поднял руки, как бы успокаивая, – с ним все хорошо, по крайней мере, насколько я знаю сейчас, он вполне доволен собой.

Настроение Виноградова немного упало. Он так зарылся в учебниках и в своем обучении, что, казалось, сам себя ограничил во всем, что касалось жизни. Его не интересовало ничего, кроме статуса поверенного, при этом он не понял, что кругозор необходимо расширять. Следовало задуматься над словами Степнова, а также слегка отдохнуть, благо ему это позволили.

– Я не пытаюсь тебя как-то настроить против Серова, – заметив, что его друг замолчал, подал голос Никита, – я просто хочу, чтобы ты был осторожен.

– Спасибо, дружище, – улыбнулся Николай и звонко ударил своим бокалом о бокал друга, – за нас.

– Истинно так, дружище!

Домой Николай возвращался чуть в приподнятом настроении. Коньяк слегка ударил в голову, но не так сильно, чтобы он не смог добраться до постели и во сне увидеть прекрасные зеленые глаза Варвары, что улыбалась ему своей прекрасной улыбкой.

Глава 7

Время шло своим чередом. Николай продолжал ждать Серова из поездки, которая никак не могла закончиться. Он получал от него письма с сообщениями, что его отъезд задерживается и что некоторое время Николаю придется обойтись без работы.

Сам Виноградов не мог не радоваться такой возможности пожить немного для себя. Николай продолжал заходить к Ланским и проявлял некоторые знаки внимания Варваре. Её семья, в особенности мачеха, не могла не замечать то, с каким упорством Николай ухаживал за её падчерицей, и, на удивление будущего поверенного, не была против этого.

– Не стесняйтесь, Николай Викторович, заходите, Варвара скоро спустится к нам, – говорила Вера Карловна каждый раз, как Виноградов появлялся на пороге купеческого дома.

Сама Варвара проявляла невиданную скромность, когда Николай пытался ухаживать за ней в присутствии её семьи. При этом было заметно, что и сам Николай ей нравится. Она часто проводила время на балконе, ожидая, когда ворота в их поместье скрипнут и Николай снова окажется на дорожке, выложенной белым кирпичом, улыбнется и махнет ей рукой, сообщая о своем присутствии. Варя покраснеет, став одного цвета со своими волосами и сдерживая порыв сердца, медленно развернется, чтобы спуститься к долгожданному гостю. Иногда она не сдерживалась и бежала со всех ног, крича «Маменька, Николаша в гости пожаловал».

Сам Виноградов частенько слышал этот восклик, когда останавливался у двери, прежде чем войти и чтобы не смущать Варвару.

Несмотря на кажущуюся влюбленность юной леди, Ланская была девушкой с характером и могла дать отпор, когда её что-нибудь не устраивало. Особенно это проявлялось при общении с братом Евгением, с которым Николай познакомился спустя неделю после того, как принялся заходить к Ланским.

Евгений Александрович Ланской, был старшим сыном Веры Карловны. Высокий, худощавый и слегка сутулый, он выделялся на фоне своей спокойной семьи и постоянно норовил куда-то сбежать. Евгений обожал скачки, охоту и крепко выпить. Все его пороки достались ему от отца, как шептала купчиха:

– Но так, он очень хороший, – под конец добавляла Вера Карловна, – ему бы только вбить ума в голову – завидный жених.

В первый день знакомства с ним Евгений пообещал, что обязательно возьмет Николая с собой на охоту, на что Варвара вскочила из-за стола и твердо произнесла:

– Уверена Николай Викторович способен сам избрать себе развлечение!

И хотя вскоре Варя поняла, что ей не следовало говорить за своего гостя, она все же дала понять, что и у неё есть достоинство и твердость характера, что очень понравилось Николаю.

Чуть позже Евгений позвал гостя перекурить. Сам Виноградов отрицательно относился к табаку, но, не желая обижать хозяев дома, все же вышел с Ланским наружу. Тот не интересовался ничем, кроме свободы своей жизни, и считал, что другие должны думать точно также.

– Вчера на охоте подстрелил лосиху, Николай Викторович, жаль, что вас со мной не было, – Ланской говорил так, словно он готов был слушать только себя, не давая даже вставить слово своему гостю.

– Мне вполне хватает городского воздуха, – солгал Николай, который в ближайшие дни собирался отправиться к родителям в имение, дабы отдохнуть от Москвы.

– Вот и я о том же, – не обращая внимания на слова гостя, продолжил Ланской, – лучшее место – это игорный дом, там можно и выпить, и испытать госпожу удачу. Вам следует пойти, уверен, вы сможете выиграть несколько рублей.

Данный разговор подслушала Варя и попросила Николая дать слово ни в коем случае не появляться на пороге игорного дома. По словам девушки, даже самого крепкого духом человека азарт способен затянуть в свои грязные сети. Хотя девушка после извинилась за излишнюю опеку, она призналась, что переживает за Николая.

– Ваша опека, Варвара Александровна, настолько приятна мне, что я готов записать вас в мои ангелы хранители.

Эти слова заставили девушку отвернуться, дабы сдержать игривый смешок, но не заметить, как покраснели кончики её ушей от смущения, было невозможно.

Тем временем Евгений продолжал показывать свой характер.

«Слишком активный для будущего наследника состояния Ланских» – думал Николай.

Виноградов даже удивился тому, как быстро у него переключается внимание с одного интереса на другой. Как позже оказалось, своими воззваниями к Николаю посетить то или иное мероприятие, он лишь проявлял своего рода внимание. На самом деле, Виноградов ему был интересен так же, как божья коровка на воротнике его белой рубашки.

– Варвара видит в вас больше, чем я, – сказал как-то Евгений, перебрав домашнего вина, которое Ланские производили в весьма приличных масштабах.

Так продолжались дни без Серова. Окрыленный Николай даже подзабыл о том, что его учитель в отъезде. Лишь напоминание Варвары о том, что вскоре ему предстоит двигаться дальше и стать поверенным, заставило Виноградова прийти в себя. Их излюбленным местом прогулки, куда Николай часто зазывал Варю, была Московская набережная. Они любили смотреть на голую гладь воды, что покрывалась рябью при дуновении ветерка. Там же Николай получил от девушки украдкой поцелуй с обещанием дожидаться его, как только он прибудет от родителей. Будущий поверенный же дал слово, что расскажет о Варваре родителям, а после обязательно представит её лично. Ланская согласилась и, пообещав писать друг другу, они разошлись, оставляя на сердце тоску и теплые воспоминания их променад.

Вечером того же дня Виноградов расплатился с Шестаковой за месяц вперед и сообщил, что его какое-то время не будет в городе.

– Конечно, конечно, езжайте Николай Викторович, – улыбалась Марина Борисовна, – ваша комната будет ждать вас, надеюсь, что вы не поступите, как предыдущие постояльцы от Петра Платоновича.

Пропустив последние слова своей домовладелицы мимо ушей, Николай с чемоданом двинулся на станцию, где его ждал поезд, готовый доставить его до имения Виноградовых, в котором он не был уже более полугода с момента, как стал учеником Серова.

Имение встретило его свежим воздухом и легким дуновением ветра. Деревья качались из стороны в сторону, словно преклоняя колени перед юным Николаем и встречая своего «господина». Именно так иногда думал сам Виноградов, когда был маленьким и скакал по местным окрестностям.

Это было его королевство, а он был императором. Часто, он убегал к реке готовясь искупаться пока взрослые не видели. Родители отправляли за ним конюха Антипа, а тот любя обоих братьев клятвенно заверял, что нашел Николашку на дереве, куда тот забрался, чтобы оглядеть окрестности своих необъятных на тот момент владений. Родители, конечно, журили сына, но строго никогда не наказывали.

Эти воспоминания с теплотой легли на сердце Николая, когда он приблизился к имению семьи. Сейчас дом и его подворье уже не казалось столь огромным как в детстве. Появилась лишь небольшая пристройка в виде мастерской, о чем часто в письмах упоминала мать Николая.

– Папа, – улыбнулся Николай, пожимая руку отцу, который вышел из этой самой пристройки, услышав, как собаки залаяли на шум от ворот.

– А я уже думал забыл стариков, – хмыкнул Виктор Ильич, серьезно глядя на сына своими голубыми глазами. Впрочем, его морщины вскоре разгладились, а в густой бороде появилась улыбка, – рад видеть тебя, сынок.

Они обнялись и вошли в дом. Внутри мало что поменялась с того раза, как Николай был в родительском доме. Слуги все также помогали матери хлопотать на кухне, пока сама хозяйка проливали слезы радости от появления сына.

– Ну, Авдотья Александровна, не смущай будущего поверенного, – рассмеялся Виктор Ильич, смотря как его жена не может отпустить из объятий Николая.

Вскоре был собран стол, его выставили наружу, чтобы уместиться могли все гости. Дядя Николая прибыл днем ранее, ожидая приезда племянника. Позвали соседей, предложив им также разделить радость семейного застолья.

Все это напоминало тот день, когда Николай закончил университет, только в этот раз это был обычный семейный обед, который растянулся до самого вечера.

– А где Степан? – спросил Николай, выискивая брата среди присутствующих.

– Отправился с инспекцией, – сказал отец, наливая себе и сыну квасу, – сказал, что инспектирует станции новой железной дороги до самого Владивостока.

– Прилично его занесло, – хмыкнул младший Виноградов.

– Ну, за семью! – прогремел очередной тост.

Так они и сидели до темноты. Мать Николая интересовалась Варварой, и Николай смущенно рассказал, как познакомился с падчерицей Ланской. Отец, услышав к какому семейству принадлежит похитительница сердца сына, чуть не крякнул от удивления.

– Знаком я с их домом, – почесав бороду сказал Виктор Ильич, – достойная, но, как говорится, в семье не без урода.

– Ну, Витя, не наговаривай на людей, – попыталась осадить его жена.

– А что, я не правду, что ли, говорю? Николай не даст соврать, Вера Карловна достойная женщина, а муженек её тот ещё проходимец был.

– Ты знаешь её лично? – вдруг спросил Николай, заинтересовавшись рассказом отца. Он вспомнил слова Степнова, который говорил что-то похожее.

– Нет, лично я Веру Карловну не знаю, – честно признался отец, – но после смерти её мужа, слухи о ней бежали так быстро, что вскоре половина Москвы заключала с ней договоры.

– А что насчет Варвары? – с интересом поинтересовался младший Виноградов.

– А кто знает, – пожал плечами отец, – она просто однажды появилась в их семье. Кто-то говорил, что дочь, кто-то – что падчерица. Ланская эти слухи никак не комментировала, не подтверждала, но и не опровергала. Ей было все равно.

– А после слухи стихли, – закончила рассказ мать, как бы ставя точку в разговоре, который был ей не очень приятен.

Вскоре все начали расходиться. Авдотья Александровна засобиравшись домой, слуги принялись убирать двор от гуляний.

– Идем, Николашка, я тебе кое-что покажу, – нетвердым голосом произнес Виктор Ильич и вместе с сыном двинулся к мастерской.

Внутри стояло несколько станков, на которых разложили деревянные брусья. Что конкретно тут строил отец, Николай не знал, да и рассказывать об этом родитель явно не собирався. Вместо этого, он сел за небольшой столик и указал на стул, приглашая сына присесть.

– Мать не любит эти разговоры, но я бы хотел сказать тебе, – говорил он вполголоса, стараясь не шуметь, – мы гордимся тобой, но считаем решение поспешным.

– Я выбрал этот путь, – сказал Николай и тут же напомнил, – вы сами говорили, если выбрал, иди до конца.

– Кто ж спорит, – кивнул Виктор Ильич, – но ты мог бы приехать, а не сообщать нам об этом в письме, – грустно добавил отец, – боялся, что отговорим?

Николай посмотрел отцу в глаза и смущенно кивнул. Он знал себя, понимал какое влияние на него оказывают дорогие ему люди. Знал, что мать порывалась приехать, но отец отговорил. А также понимал, что ему действительно следовало довериться близким.

– Серов хороший поверенный, но... – Виктор Ильич сделал паузу, – я бы сказал, будь с ним осторожным. Он ведет какие-то дела, о которых мало кто знает.

– Но почему вы думаете, что это опасные дела?

– Я полагаю, что это как-то связано с купеческими договорами, – таинственно пояснил отец, – Ланские не единственные, кому он оказывает помощь. Многие купцы стоят в очереди у него, чтобы заполучить такого поверенного.

– Разве это плохо? – удивился Николай, смотря на отца, – как я могу делать выводы без доказательств?

В мастерской наступила тишина, и можно было увидеть, как размышляет Виктор Ильич после слов сына. Казалось, он и сам понимал, что лишь проговаривает слухи относительно Серова, но не предупредить сына не мог.

– Это всего лишь совет, сынок, – наконец-то улыбнулся Виктор Ильич, – воля на выбор ваша! Просто знай, что твой учитель не так прост, хотя репутация его бежит впереди любой лошади.

После ночной беседы Николай вернулся в свою старую комнату. Мягкая кровать и закрытые ставни никак не могли заставить его уснуть. В голове крутились мысли о Варе, о Ланских, о Серове, который хотел и был его учителем, но в последнее время действительно вел себя максимально странно. Не сообщил, куда уехал, продлил свое отсутствие и даже не позаботился о том, чтобы у Николая была возможность поработать.

Засыпая под утро, Виноградов чувствовал, как от мыслей тяжелеет голова, а глаза слипаются от бессонницы, которая подорвала силы Николая и заставила наконец-то отправиться в царство Морфея.

Неделя, проведенная у родителей, казалась Николаю сказкой. Московские пыльные улицы сменились мягкими лесными тропинками, а широкая Москва-Река – небольшой речушкой у дома, где они иногда любили удить рыбу.

Маленько не рассчитав время, Николай смог получить лишь два письма – от Варвары и от Степнова. Оба писали о своих делах и то, что они ждут его в гости по приезду. Разумеется, имение Виноградовых не стояло так далеко от Москвы, что по нему успели соскучиться, но все же расстояние позволяло думать, что они находятся в разных частях России, и дать повод воображению при написании письма.

Твердо решив, что в следующий его приезд с ним обязательно приедет и Варвара, Николай попрощался с родителями и снова двинулся в Первопрестольную. Со дня на день он ожидал Серова. Письма от поверенного Виноградов не получал, что его очень насторожило. Обычно Петр Платонович старался сообщать о своих планах, кроме того, Николай начал переживать уж, не решился ли его учитель оставить обучение и уволить его. Конечно, сроки работы, стаж и возраст позволял Виноградову подать необходимые документы в совет присяжных. Однако Серов обещал предоставить также и рекомендации, что упрочило бы положение Николая в глазах совета.

В Москву он приехал ближе к полуночи. Доходный дом Шестаковой встречал его полной тишиной и темнотой. Все постояльцы уже давно спали в своих комнатах. Войдя внутрь, Николай обнаружил, что в гостиной дома горит свет, видимо хозяйка, никак не могла уснуть.

Скрепя половицами, Николай прошел темный, мрачный коридор и костяшками пальцами стукнул по двери, слегка приоткрыв её. Марина Борисовна сидела за столом, разбрасывая письма в разные стопки. Услышав стук, она подняла голову.

– А, Николай Викторович, прибыли.

– Позволите, Марина Борисовна?

Кивок. Женщина вернулась к своему занятию, даже не предложив постояльцу чаю. Она грустно разглядывала марки на конвертах, а когда Николай присел напротив в кресло, наконец-то оторвалась от своего занятия.

– Я все жду, Николай Викторович.

– Чего? – удивленно спросил Виноградов, смотря на управляющую.

– Когда вы уйдете?

– Почему я должен... уйти? – голос Николая слегка дрогнул. Ему вдруг показалось, что Шестакова намеревается выгнать его. Тут он заметил, бутылку старого вина и понял, что хозяйка в легком подпитии.

– Вы всегда уходите, вздохнула она. Кого бы ни пригласил Серов, он уходит на второй или на третий день.

– Я здесь свыше шесть месяцев, – осторожно напомнил Николай и нахмурился. Шестакова явно переживала из-за чего-то, и её волнение вылилось в откровение, – вы говорили, что постояльцы, которых приглашал Петр Платонович, часто покидали дом слишком быстро. Как думаете, почему?

Марина Борисовна подняла взгляд и посмотрела прямо в голубые глаза Виноградова, словно ища в них подвох, а не найдя, неожиданно сказала:

– Вы не знаете? Это все его друзья, – устало подытожила Марина Борисовна.

– Они связаны с криминалом?

– Нет, конечно! – моментально протрезвела Шестакова, – но... они очень таинственные личности и порой... я боялась их больше, чем некоторых пьяниц, что изредка появились у моего порога.

– Почему вы не отказывали в просьбе Петру Платоновичу?

– Он слишком сильно мне помог, чтобы я могла ему отказать, – устало сказала Шестакова, вновь приближаясь к столу.

– Чем они занимались? – не унимался Николай, ему необходимо было выяснить все что можно о Серове. Слишком много слухов ходили о поверенном, но никто ничего не мог подтвердить.

– Я, право, не знаю, они приходили и уходили. Въезжали на пару дней и приходили только ночью, чтобы поспать, а потом... – тут неожиданно на её губах появилась улыбка, – простите меня, Николай Викторович, видимо я перебрала вина.

Николай посмотрел на Шестакову. Её поведение моментально изменилось. Словно она хотела выговориться о своих переживаниях, и она это сделала. Камень с души женщины слетел и она вновь превратилась в добродушную хозяйку доходного дома, готовая предоставить жилье каждому нуждающемуся... если у него было чем заплатить.

– Конечно я думала, что раз вы из друзей Петра Платоновича, то и вы уйдете быстро, – продолжила Марина Борисовна, – но я рада, что ошиблась. Кстати, о Петре Платоновиче, на ваше имя пришло письмо.

Николай взял в руки протянутый конверт. На нем отчетливо виднелась печать и марка. Подпись гласила, что письмо было направлено из города Далрибург. Насколько знал Николай это небольшой городок в Курляндской губернии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.